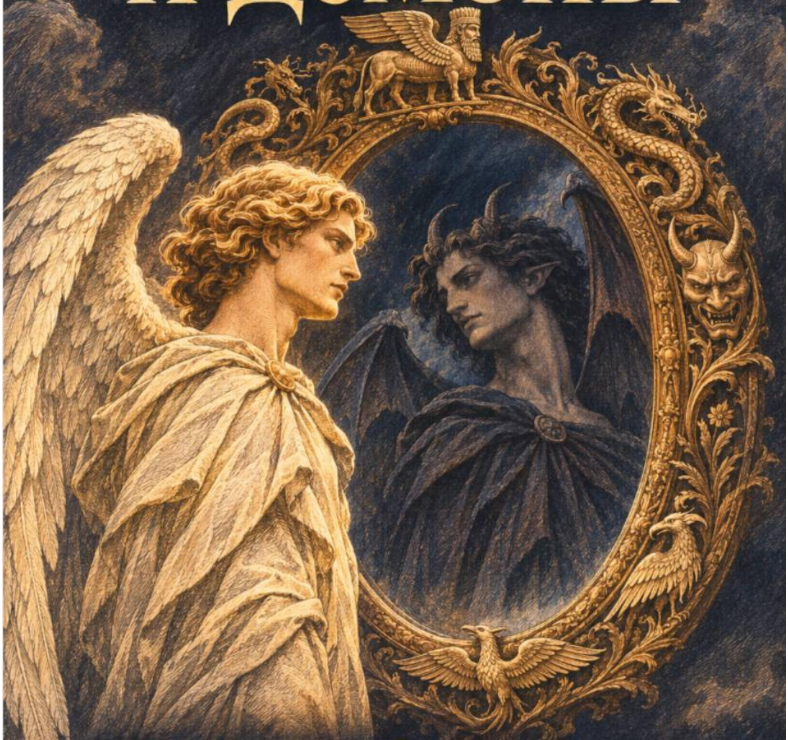
Ангелы и демоны

Ярослав Золотарев

Ярослав Золотарёв
Ангелы и демоны

https://litres.ru/74875774
SelfPub; 2026

Аннотация

Почему самые страшные демоны так похожи на самых близких людей — на мать, отца, друга, врача?

Эта книга — путешествие по десяти культурам, от Месопотамии и Египта до Японии и славян, и по двадцати образам, которые повторяются у разных народов. Мать и Пожирающая мать, Небесный Отец и Тиран, Целитель и Насылающий мор, Добрая подруга и Соблазнительница. Как ахуры стали богами, а асуры — демонами? Почему Сатана в Книге Иова служит Богу, а лекарство от чумы ищут у того, кто её наслал? Как образ зла, созданный для утешения, превращался в обвинение против живых людей — повитух, соседей, чужаков?

Сегодня о традиционных ценностях говорят все. Здесь можно увидеть, как добро и зло выглядели на самом деле, — в образах, которые люди создавали тысячелетиями.

Научно-популярная книга для широкого круга читателей.

Содержание

Введение. Лица добра и зла 7
Зачем это сегодня 9
Путь от двойственности к чёрно-белому миру 11
Что мы называем архетипом 13
Двойственные фигуры 15
Как устроена книга 16
Часть I. Добрые силы по культурам 18
Глава 1. Месопотамия. Мудрость из глубины вод 18
Земля между реками 18
Зачем богам люди 19
Энки, друг людей 20
Инанна: любовь с острыми краями 23
Шамаш, который видит всё 25
Мардук, победитель хаоса 27
Свой бог 28
Крылатые стражи 29
Каким было добро в Месопотамии 31
Глава 2. Египет. Перо истины 33
Чёрная земля и красная земля 33
Маат: порядок, правда и справедливость 34
Суд в Зале двух истин 35
Осирис, бог, который умер 37

Исида, мать и волшебница 39
Гор, сын, который отомстил 41
Хатхор, госпожа радости 42
Тот, писец богов 43
Бес, страшный защитник 44
Солнце, которое любит всех 45
Каким было добро в Египте 46
Глава 3. Индия. Хранитель, который приходит снова 48
Страна бесчисленных богов 48
Порядок, который держит мир 49
Вишну, который приходит снова 51
Пахтание океана 55
Лакшми, богиня удачи 56
Ганеша, устранитель препятствий 57
Хануман, верный спутник 58
Кали и Дурга: грозная мать 60
Каким было добро в Индии 62
Глава 4. Иран. Великий выбор 64
Пророк из страны пастухов 64
Два духа и выбор человека 65
Ахура-Мазда, Господь Мудрость 66
Бессмертные Святые 68
Правда как первая добродетель 69
Митра, хранитель договора 70
Фраваши, души-хранители 71

Царь Йима и золотой век 72
Мост Разлучения 73
Конец времён 74
Наследие Ирана 75
Каким было добро в Иране 76
Глава 5. Греция и Рим. Боги, которые не были добрыми 78
Олимп без нимба 78
Прометей, друг людей 79
Зевс, хранитель гостя 81
Деметра, мать, которая ищет 82
Афина, разум и мера 84
Аполлон и Асклепий: свет и исцеление 86
Гермес, вестник и плут 87
Гестия: огонь в середине дома 89
Рим: лары, пенаты и гений 89
Когда добро уходит к философам 91
Каким было добро в Греции и Риме 92
Глава 6. Авраамическая традиция. Вестники Единого 94
Один Бог и его посланники 94
Бог вдовы, сироты и пришельца 95
Безымянные посланники 97
Херувимы и серафимы 98
Ангелы получают имена 99
Ангел-хранитель 101

Небесная иерархия 102
Заступница 104
Каким было добро в авраамической традиции 105
Глава 7. Китай. Небесная канцелярия и милосердная богиня 108
Небо вместо бога 108
Добро внутри человека 109
Небесная канцелярия 111
Нюйва и Фуси: те, кто починил небо 113
Гуаньинь, та, что слышит плач мира 114
Конец ознакомительного фрагмента. 117

Ярослав Золотарёв
Ангелы и демоны

Введение. Лица добра и зла

Ни один народ не довольствовался тем, чтобы просто знать, что хорошо и что плохо. Добру и злу непременно давали лицо, имя, голос, иногда крылья, иногда рога и хвост. Египтянин не рассуждал о справедливости вообще: у справедливости была богиня Маат с пером на голове, и это перо клали на весы против сердца умершего. Вавилонская мать не боялась «детской смертности» как отвлечённой беды. Она боялась Ламашту, демоницы с львиной головой, которая подкрадывается к колыбели, и вешала над ребёнком амулет с её изображением. Русский крестьянин не размышлял о стихийных силах природы. Он знал, что в лесу живёт леший, в омуте водяной, а за печкой домовой, и что с каждым надо уметь договориться.

Эта книга о таких лицах. О богах, ангелах, демонах, духах и чудовищах, в которых человечество за несколько тысяч лет воплотило свои представления о добре и зле. Их легко принять за сказочный реквизит, за декорации старых преданий. Но по ним, как по слепкам, можно восстановить то, что люди действительно ценили и чего действительно боялись. Своды

законов говорят, как должно быть. Мифологические образы показывают, что людей по-настоящему волновало.

Зачем это сегодня

В сегодняшней России о традиционных ценностях говорят все. Политики самых разных взглядов, представители всех религий, государство, которое в 2022 году даже утвердило особым указом основы политики по их защите и перечислило их: жизнь, достоинство человека, крепкая семья, милосердие, справедливость, взаимопомощь, историческая память и другие. С трибун и в комментариях на ценности ссылаются как на нечто само собой разумеющееся: мы, мол, все знаем, какими они были.

Но знаем ли? Слово «традиционный» отсылает к прошлому, а прошлое у нас длинное и пёстрое. В России веками живут рядом православные и мусульмане, буддисты и иудеи. Под христианством лежит слой славянских и финно-угорских верований, а ещё глубже — общее индоевропейское наследие, роднящее нас с древними индийцами и скандинавами. Какая из этих традиций имеется в виду? И что именно она считала добром?

Если мы хотим говорить о традиционных ценностях всерьёз, а не лозунгами, полезно посмотреть, как добро и зло выглядели на самом деле: какие существа охраняли человека, а какие ему угрожали, за что одних почитали, а других проклинали. Эта книга не займёт ничьей стороны в современных спорах и не станет подтверждать или опровергать

чьи-либо тезисы. Она предлагает материал. А материал этот полон неожиданностей.

Читатель обнаружит, например, что некоторые ценности действительно поразительно устойчивы. Защита ребёнка, верность слову, гостеприимство, справедливый суд, порядок против хаоса проходят через тысячелетия и континенты. Иранские мудрецы три тысячи лет назад видели главное зло мира во лжи, а главное добро — в правде и порядке. Но обнаружится и другое. Греческие боги, которых мы со школы привыкли считать «светлым Олимпом», были не добры и не злы. Они были могущественны, мстительны, ревнивы, и уже греческие философы упрекали поэтов за то, что те приписывают богам воровство, прелюбодеяние и обман. Египетский Сет, убийца собственного брата, каждую ночь защищал ладью солнца от змея Апопа. Индийские асуры и иранские ахуры, по всей видимости, когда-то были одними и теми же божествами, но в Индии они стали демонами, а в Иране главный из них сделался верховным богом добра. А о богах древних славян мы знаем так мало, что значительная часть того, что сегодня выдаётся за «исконную славянскую традицию», — это реконструкции учёных XIX–XX веков, а нередко и позднейшие выдумки.

Традиция оказывается не застывшим сводом правил, а живым и меняющимся разговором о добре и зле, который люди вели между собой тысячи лет. Чтобы понимать, что мы сохраняем, полезно знать, о чём шёл этот разговор.

Путь от двойственности к чёрно-белому миру

Если у этой книги есть сюжет, то он таков. Древнейшие боги не делились на добрых и злых. Сила, которая насылает болезнь, могла её и отвести. Бог бури губил урожай и сам же приносил дождь. Владыка мёртвых был страшен, но не злодей: он просто исполнял свою работу. Человек жил среди сил, которые были опасны и полезны одновременно, и задача его была не победить зло, а наладить с этими силами отношения: умилостивить, договориться, не прогневить.

Где-то в Иране — когда именно, учёные спорят до сих пор, называя даты от XV до VI века до нашей эры, — пророк Заратустра предложил другую картину мира. В ней два начала, светлое и тёмное, правда и ложь, ведут непримиримую борьбу, и каждый человек обязан выбрать сторону. Эта мысль оказалась одной из самых влиятельных в истории. Через иудейскую традицию, испытавшую иранское влияние, она перешла в христианство и ислам. Так появились ангелы и демоны в том смысле, который вкладываем в эти слова мы: существа, однозначно служащие добру или злу. Ветхозаветный Сатана, который в Книге Иова ещё выступает чем-то вроде небесного прокурора при Боге, за несколько веков превращается в князя тьмы, врага Бога и человека.

Книга прослеживает этот путь, но не считает его прямой

дорогой от «примитивного» к «развитому». У двойственного мира есть своя мудрость. Он хорошо знает, что в жизни свет и тень редко разделены чётко. У чёрно-белого мира есть своя сила, но и свои опасности: стоит объявить противника слугой абсолютного зла, и с ним уже не договариваются.

Что мы называем архетипом

Вторая и четвёртая части книги посвящены архетипам. Сразу оговоримся: мы берём это слово как удобный термин, а не как часть какой-либо психологической теории. Архетипом здесь будет называться образ, который с похожей ролью повторяется у разных народов. Добрая Мать, Небесный Отец, Воин, побеждающий змея, Целитель, Искуситель, Чудовище хаоса, Соблазнительница.

Само по себе сходство ещё ничего не объясняет. Самое интересное — понять, откуда оно берётся. Причин, как правило, три.

Первая — общий человеческий опыт. У всех людей есть мать и отец, все рождаются и умирают, все болеют, всех пугает темнота и разлив реки, все сталкиваются с властью, которая может защитить, а может и раздавить. Похожий опыт рождает похожие образы, даже если народы никогда друг о друге не слышали.

Вторая — заимствование. Образы путешествуют вместе с торговцами, завоевателями, пленниками и миссионерами. Месопотамские демоны оставили след в библейских текстах, иранские представления повлияли на иудейскую ангелологию, буддийские божества, придя из Индии в Китай и Японию, меняли облик и даже пол.

Третья — общее происхождение. Языки индоевропей-

ских народов родственны, и родственны многие их боги. Греческий Зевс, индийский Дьяус и, по всей видимости, германский Тюр восходят к одному древнему небесному богу, чьё имя означало, вероятно, «сияющий» или «небо».

В каждой архетипической главе мы будем выяснять, какая из причин работает. Иногда окажется, что сходство глубокое и древнее. Иногда — что оно возникло независимо. А иногда — что оно случайно и держится лишь на нашем желании увидеть повсюду одно и то же. Честно признать последнее не менее важно, чем найти настоящую параллель.

Двойственные фигуры

Не все мифологические существа послушно делятся на добрых и злых. Трикстеры — хитрецы, плуты, нарушители правил вроде греческого Гермеса, скандинавского Локи или китайского Царя обезьян — то помогают людям, то вредят им. Многие грозные божества одновременно и пугают, и защищают. Баба-яга может съесть героя, а может дать ему клубок, коня и добрый совет.

Отдельной главы для таких фигур в книге нет. Каждая стоит там, куда примыкает по смыслу. Если плут сопровождает героя и помогает ему, он оказывается среди добрых сил, как Санчо Панса при Дон Кихоте. Если главное в нём — разрушение, он среди злых. Но о его двойственности мы всякий раз будем говорить, потому что именно в таких фигурах видно, насколько сложнее схемы было живое мифологическое мышление.

Как устроена книга

Книга состоит из четырёх частей, которые отражают друг друга.

Первая часть — путешествие по десяти культурам и их добрым силам: Месопотамия, Египет, Индия, Иран, Греция и Рим, авраамическая традиция, Китай, Япония, Скандинавия, славяне. Здесь мы рассказываем мифы и описываем картину мира, в которой эти силы жили.

Вторая часть собирает добрые силы по архетипам, сравнивает их и ищет корни сходства. Здесь появятся и культуры, не вошедшие в первую часть: кельты, финны, ацтеки, народы Африки и Сибири.

Третья часть снова обходит те же десять культур, но уже со стороны тьмы: их демонов, чудовищ и губителей.

Четвёртая часть разбирает злые архетипы. Каждый из них — зеркало одного из добрых. Матери соответствует Пожирающая мать, Воину-змееборцу — Чудовище хаоса, Справедливому судье — Обвинитель и искуситель, Хранителю — Одержатель, Доброй подруге — Соблазнительница. Эти пары, пожалуй, лучше всего показывают, как люди мыслили добро и зло: как две стороны одних и тех же отношений.

Книгу можно читать подряд, а можно и иначе: например, прочесть о египетских добрых богах, а затем сразу о египетских демонах или перейти от главы о Матери прямо к главе

о её тёмном двойнике. Части задуманы так, чтобы это было возможно.

Наконец, несколько слов о тоне. Многие образы этой книги — ангелы, Богородица, Будда, ками — остаются священными для миллионов живых людей. Мы рассказываем о них как историки культуры: не обсуждаем, существуют ли они на самом деле, и не берёмся судить, чья вера истиннее. Наш предмет — представления людей, а к ним стоит относиться с уважением и вниманием. В конце концов, в образах ангелов и демонов человечество тысячелетиями говорило о самом важном для себя: о том, кому можно доверять, чего надо бояться и каким должен быть человек.

Часть I. Добрые силы по культурам

Глава 1. Месопотамия. Мудрость из глубины вод

Земля между реками

Чтобы понять, каким было добро для жителей древней Месопотамии, надо сначала представить их землю. Междуречье Тигра и Евфрата, нынешний Ирак, совсем не похоже на рай. Камня там почти нет, леса нет, дождей мало, летом стоит изнуряющая жара. Жизнь держится на реках, но реки капризны. Нил разливается каждый год почти по расписанию и мягко удобряет поля. Тигр и Евфрат могут разлиться слишком рано, когда урожай ещё не собран, могут сменить русло и оставить город без воды, а могут затопить всё на десятки километров. Каналы, без которых здесь нет земледелия, приходится постоянно чистить, иначе их затянет илом. Поля засоляются, и на них перестаёт расти пшеница. С гор и из степей приходят враги.

На этой земле около пяти тысяч лет назад шумеры построили первые в мире города: Урук, Ур, Эреду, Лагаш, Ниппур.

Позже здесь говорили по-аккадски, возникли Вавилон и Ассирия. Народы и языки сменяли друг друга, а боги переходили от одних к другим, меняя имена, но сохраняя характер. Шумерский Энки стал аккадским Эа, Инанна стала Иштар, Уту стал Шамашем. Поэтому о месопотамской религии можно говорить как о едином целом, хотя она жила почти три тысячи лет.

Мир, каким его видели жители Междуречья, был хрупким. Порядок в нём не был дан раз и навсегда, его нужно было каждый день поддерживать трудом людей и милостью богов. Отсюда главное, что надо знать о месопотамском добре: это прежде всего порядок, защита и знание, а не любовь. Добрый бог в Месопотамии — не тот, кто любит человека, а тот, кто держит мир от распада и в трудную минуту может заступиться.

Зачем богам люди

Месопотамский рассказ о сотворении человека звучит сегодня неожиданно жёстко. Он сохранился в поэме об Атрахасисе, записанной почти четыре тысячи лет назад. В начале времён, говорится там, работали сами боги. Младшие боги копали каналы, носили корзины с землёй, возводили насыпи. Работа была бесконечной, и однажды они взбунтовались: сожгли свои мотыги и корзины и окружили ночью дом верховного бога Энлиля. Старшие боги собрались на совет. На-

казывать бунтовщиков было бессмысленно: кто тогда будет работать?

Выход предложил Энки, бог мудрости. Надо создать существо, которое возьмёт на себя тяжкий труд богов. Одного бога принесли в жертву, его плоть и кровь смешали с глиной, и богиня-мать вылепила из этой глины первых людей. Так в человеке соединились земля и частица божества. Но предназначение его было ясным: работать, чтобы боги могли отдыхать, и кормить их жертвами.

Никакой особой любви к человеку здесь нет. Человек — работник в хозяйстве богов, и не самый ценный: когда людей стало слишком много и их шум мешал Энлилю спать, тот решил их уничтожить. Сначала он наслал мор, потом засуху и голод, а когда и это не помогло, — всемирный потоп.

И всё же в этом мрачном мире у людей был друг.

Энки, друг людей

Энки жил в Абзу — подземном океане пресной воды, который лежит под землёй и питает родники, колодцы и реки. Для жителя засушливой страны пресная вода и есть жизнь, и бог этих вод был богом жизни, плодородия и мудрости. Его главным городом был Эреду на юге Шумера, один из древнейших городов мира. Изображали Энки сидящим, а из его плеч или из сосуда в его руках текли два потока с плывущими в них рыбами: Тигр и Евфрат.

Энки был мудрецом и мастером. Ему приписывали изобретение ремёсел, искусств, магии и всего, что делает жизнь людей устроенной. Шумеры верили, что основы цивилизации заключены в особых божественных силах, которые они называли «ме». Это были своего рода первообразы всех установлений: царской власти, жречества, ремёсел, музыки, письма, правосудия. Хранились ме у Энки. Предание говорит и о том, как знания пришли к людям: из моря на берег выходили апкаллу, семь мудрецов, посланных Энки, получеловеки-полурыбы, которые научили людей строить города, писать и возделывать землю. Позже вавилонский жрец Берос, писавший по-гречески, рассказывал о человеке-рыбе по имени Оаннес, учившем людей всем искусствам. Изображения апкаллу в рыбьих плащах находят на стенах дворцов, а их глиняные фигурки закапывали в основании домов для защиты.

Но главное, за что Энки можно назвать добрым, — это его поступки. Именно он каждый раз спасает людей, когда Энлиль пытается их истребить. Во время мора он подсказывает Атрахасису, кому из богов приносить жертвы. Во время голода помогает людям хитростью. А когда боги решают наслать потоп и связывают друг друга клятвой ничего не говорить людям, Энки находит выход, достойный юриста. Он не говорит человеку ни слова. Он обращается к тростниковой стене его дома: «Стена, слушай меня, тростник, внимай мне», — и рассказывает стене о потопе, велит разобрать дом

и построить корабль. Человек за стеной всё слышит. Клятва не нарушена, человечество спасено. Эта история — древнейший известный нам рассказ о потопе, и библейский рассказ о Ное, по всей видимости, восходит к той же месопотамской традиции. В эпосе о Гильгамеше спасшегося героя зовут Утнапиштим, в шумерской версии — Зиусудра, в аккадской поэме — Атрахасис, что значит «превосходящий мудростью».

Энки спасает не только людей. Когда богиня Инанна спустилась в подземное царство и была убита своей сестрой, владычицей мёртвых Эрешкигаль, её верная служанка обошла великих богов, моля о помощи. Отец Инанны и другие боги отказали: та, мол, сама виновата, нечего было соваться в страну без возврата. Помог только Энки. Он извлёк грязь из-под своих ногтей и вылепил из неё двух крошечных существ, не мужчин и не женщин, которые смогли незаметно проскользнуть в подземный мир. Там они не стали угрожать или хитрить. Они нашли Эрешкигаль, которая стонала от боли, и стали ей сочувствовать, повторяя за ней её стоны. Растроганная владычица мёртвых пообещала исполнить их просьбу, и они попросили тело Инанны. Окропив его пищей и водой жизни, они вернули богиню к жизни.

В этой истории весь Энки. Он побеждает не силой, а умом, и не ссорой, а сочувствием. Это бог, который знает, что из любого тупика есть выход, если хорошо подумать.

При этом Энки не святой, и это важно для понимания ме-

сопотамского добра. Он любит пиво и женщин. В одном мифе он, напившись на пиру, раздаривает Инанне свои драгоценные ме, а протрезвев, посылает чудовищ, чтобы отобрать их обратно, но поздно: Инанна уже увезла их в свой город Урук. Любопытно, что среди этих ме были не только царская власть, музыка и правосудие, но и обман, и разрушение городов. Даже основы цивилизации у шумеров не были однозначно добрыми: в них входило и то, без чего не обходится ни одна реальная цивилизация. В другом мифе Энки съедает запретные растения, выращенные богиней Нинхурсаг, и та в гневе проклинает его, так что он едва не умирает. Добрый бог Месопотамии вспыльчив, хитёр, падок на удовольствия. Его доброта — не в безупречности, а в том, что в решающий момент он оказывается на стороне жизни.

Инанна: любовь с острыми краями

Инанна, по-аккадски Иштар, была самой почитаемой богиней Месопотамии. Она владела любовью и плодородием, и ей же принадлежала война. Её звездой была Венера, которая то появляется утренней звездой, то становится вечерней, то исчезает вовсе, и сама богиня была такой же переменчивой. Её символом была восьмиконечная звезда, а священным животным — лев.

В Инанне трудно разделить добро и зло, и в этой книге она стоит среди добрых сил с оговорками. С одной стороны, она

— источник жизни. Шумерские гимны воспевают её любовь к пастуху Думузи откровенно и нежно: это любовная лирика, которой более четырёх тысяч лет. От этого союза зависело плодородие земли, стад и людей. Без Инанны в мире не стало бы ни любви, ни рождения. Когда она спустилась в подземный мир и погибла, на земле, как говорит аккадская версия мифа, прекратилось всякое зачатие.

С другой стороны, Инанна опасна. Вернувшись из подземного мира, она должна была найти себе замену: таков закон страны без возврата. Её сопровождали демоны-галлу, готовые схватить любого, на кого она укажет. Своих верных слуг, которые встретили её в трауре, она пощадила. А вот её возлюбленный Думузи не горевал: он сидел на троне в праздничных одеждах. И Инанна посмотрела на него «взглядом смерти» и отдала его демонам. С тех пор Думузи полгода проводит в подземном мире, и каждый год люди оплакивали его. Этот плач по Таммузу (аккадское имя Думузи) дожил до библейских времён: пророк Иезекииль с негодованием описывает женщин, оплакивающих Таммуза у ворот Иерусалимского храма.

В эпосе о Гильгамеше Иштар предлагает герою стать её мужем. Тот отказывается и перечисляет, что стало с её прежними возлюбленными: пёстрая птица осталась с перебитым крылом, конь обречён на кнут и шпоры, пастух превращён в волка, которого травят его же подпаски. Оскорблённая богиня требует у отца наслать на Урук небесного быка. Любовь

у Инанны всегда с острыми краями.

Почему же такую богиню почитали больше всех? Потому что жители Междуречья видели в ней правду о жизни. Любовь, плодородие и война действительно связаны: всё это проявления одной неукротимой жизненной силы, которая и рождает, и губит. Инанна не добра в нашем смысле, но без неё нет жизни. И почитали её не за кротость, а за силу. Гимны прославляют её как «госпожу всех ме», великую, грозную, сияющую. Перед ней не столько благоговеют, сколько трепещут, и одновременно её любят.

Шамаш, который видит всё

Если Энки — мудрость, а Инанна — жизненная сила, то бог солнца Шамаш (по-шумерски Уту) — справедливость. Логика была простой и убедительной: солнце каждый день проходит над всей землёй, и от его света ничто не укроется. Значит, Шамаш видит всё, что делают люди, и он лучший судья. Изображали его с пилой в руке, которой он «рассекает» тяжбы, или с жезлом и кольцом, а из его плеч поднимались лучи.

Самый известный образ Шамаша — на вершине чёрного базальтового столба с законами вавилонского царя Хаммурапи, который хранится сейчас в Лувре. Царь стоит перед сидящим на троне богом, и тот вручает ему знаки власти. Смысл ясен: законы, высеченные ниже, даны не прихо-

тью царя, а с благословения бога справедливости. Во вступлении и заключении к законам Хаммурапи говорит, зачем он их дал: чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы сирота и вдова получали справедливость, чтобы обиженный мог прийти к его изображению, прочесть законы и понять, правое ли его дело. Это одно из древнейших письменных выражений идеи, что власть существует для защиты слабых. Можно сколько угодно спорить, насколько это соблюдалось на деле, но сама ценность была названа и высечена в камне почти четыре тысячи лет назад.

До нас дошёл большой гимн Шамашу, около двухсот строк, и в нём видно, что именно считалось добром. Шамаш помогает путнику в дальней дороге и купцу в пустыне, морякам в бурю и пленникам в оковах. Он слышит молитву больного и узника. Он наказывает судью, который берёт взятки, и купца, который обвешивает покупателей на неверных весах, и благословляет честного торговца долгой жизнью. Добро здесь очень конкретное, деловое: честная мера, неподкупный суд, защита тех, кто беззащитен. Ценности городской торговой цивилизации, где всё держится на доверии к весам и договорам.

В эпосе о Гильгамеше Шамаш — покровитель героя. Он помогает ему и Энкиду победить чудовищного стража кедрового леса Хумбабу, насылая на того ветры. Ночью Шамаш уходит под землю и проходит через царство мёртвых, поэтому он и там судья и может вывести душу из тьмы. Шамаш

почти не участвует в скандалах и интригах других богов. Из всех месопотамских богов он ближе всего к тому, что мы назвали бы «чисто добрым» богом, и это не случайно: справедливость легче всего вообразить без тени.

Мардук, победитель хаоса

Ещё одного бога надо упомянуть, хотя подробно о нём речь пойдёт в главе о воинах-змееборцах. Это Мардук, бог Вавилона, который со временем стал главным богом всей Месопотамии. Вавилонская поэма о сотворении мира, известная по её первым словам «Энума элиш» («Когда вверху»), рассказывает, как в начале времён богиня солёных вод Тиамат породила чудовищ и пошла войной на младших богов. Никто не смел выступить против неё, и только молодой Мардук согласился сразиться, потребовав в награду верховную власть. Он поймал Тиамат в сеть, наслал ветер ей в пасть, пронзил её стрелой, а из её рассечённого тела создал небо и землю. Мир возник из побеждённого хаоса.

Поэма прославляет порядок, отвоёванный у хаоса, и власть, которая этот порядок охраняет. В конце поэмы боги провозглашают пятьдесят имён Мардука, как бы передавая ему все свои силы. По сути, это рассказ о том, как добро в Месопотамии понималось политически: оно равно устроенному миру, а устроенный мир держится на сильном и законном правителе. Неудивительно, что поэму читали на но-

вогоднем празднике в Вавилоне, когда царь заново получал власть из рук бога.

Свой бог

До сих пор речь шла о великих богах, которые правили миром и решали судьбы городов. Простой человек обращался к ним редко и с опаской: великие боги далеки, у них свои заботы. Но у каждого жителя Междуречья был ещё и свой, личный бог, а часто и личная богиня. Это были младшие божества, которые сопровождали человека всю жизнь, хранили его дом, приносили удачу и заступались за него перед великими.

На многих месопотамских печатях повторяется одна и та же сцена. Человек стоит перед сидящим на троне великим богом, а младшее божество держит его за руку и подводит к трону или стоит позади, подняв руки в молитвенном жесте. Это и есть личный бог, который приводит своего подопечного к высшему суду и просит за него. Знакомая картина: так проситель приходит к большому начальнику не один, а с покровителем, который за него поручится.

Удача и неудача человека объяснялись тем, с ним ли его бог. Если человек тяжко провинился, бог мог разгневаться и уйти, и тогда человек оставался беззащитным. В него вселялись болезни, его одолевали демоны, от него отворачивались друзья. До нас дошли тексты, которые иногда называют

«месопотамскими книгами Иова». В одной, шумерской, человек жалуется своему богу на несчастья, которых не заслужил, и в конце бог возвращается к нему. В другой, вавилонской поэме «Восхвалю владыку мудрости», знатный человек рассказывает, как его бог и его богиня покинули его, как он потерял положение, здоровье и друзей, и как в конце концов Мардук смилостивился и исцелил его. Эти тексты ставят вопрос, который будет мучить людей тысячелетиями: почему страдает праведник? Месопотамский ответ скромен: боги непостижимы, их пути не похожи на пути людей, но милость их можно вернуть смирением и молитвой.

Человек, у которого нет своего бога, — это, по месопотамским понятиям, несчастнейший из людей. В одном заклинании сказано, что человека без бога, идущего по улице, болезнь окутывает, как одежда. Добро для простого человека было не отвлечённой идеей, а очень личным присутствием: кто-то незримый идёт рядом и держит тебя за руку.

Крылатые стражи

Особую роль играли духи-хранители. Шумеры называли доброе защитное божество «лама». Это была женская фигура в длинном многоярусном одеянии, с поднятыми руками, стоявшая рядом с человеком на печатях и в храмах. В аккадском языке слово стало звучать как «ламассу».

А в Ассирии I тысячелетия до нашей эры ламассу превра-

тились в исполинов. У ворот ассирийских дворцов и городов в Нимруде, Хорсабаде, Ниневии стояли огромные каменные фигуры: быки или львы с человеческими головами в рогатых тиарах, с длинными завитыми бородами и большими крыльями. Некоторые были выше четырёх метров. Сегодня их можно увидеть в Британском музее, в Лувре, в Метрополитен-музее. У этих фигур есть любопытная особенность: у них пять ног. Если смотреть на них спереди, видны две ноги — страж неподвижно стоит. Если сбоку — четыре, и он шагает вперёд. Скульптор хотел, чтобы с любой точки страж выглядел как надо.

Ламассу соединяли в себе всё лучшее, что есть в живых существах: ум человека, силу быка или льва, быстроту орла. Они стояли там, где мир людей встречается с внешним миром, — у ворот, — и не пропускали внутрь злых духов и врагов. Это уже почти ангелы-хранители, но ещё не небесные посланники, а скорее каменные часовые. Когда речь пойдёт о херувимах авраамической традиции, мы вспомним этих крылатых стражей у ворот: многие учёные считают, что образ херувима, охраняющего вход в Эдем, вырос из того же круга представлений.

Добрые духи поменьше охраняли дома. Под полами и у порогов закапывали глиняные фигурки апкаллу и других защитников, на стенах писали заклинания. На бронзовых и каменных табличках-амулетах против демоницы Ламашту, угрожавшей роженицам и младенцам, изображали её саму и

тех, кто её изгоняет. Но об этом — в главе о злых силах Месопотамии.

Каким было добро в Месопотамии

Подведём итог. Добро в Месопотамии не было ни нежным, ни безупречным. Боги создали людей для работы, а не из любви, и могли их погубить из-за шума. Самая почитаемая богиня отдала возлюбленного демонам. Мудрейший из богов напивался и терял свои сокровища.

И всё же у этого добра есть ясные черты. Это порядок, отвоёванный у хаоса и требующий постоянной защиты. Это знание и ремесло, которые делают жизнь возможной. Это справедливость: честные весы, неподкупный суд, защита сироты и вдовы. Это хитроумие, которое находит выход там, где сила бессильна. И это личное заступничество: незримый покровитель, который держит человека за руку перед лицом высших сил.

Многое из этого мы встретим потом в других культурах, и в главах об архетипах будем разбираться, где перед нами общее наследие, а где — независимые открытия разных народов. Месопотамия здесь часто окажется первой, просто потому, что от неё дошли древнейшие записанные тексты. Но первые не значит единственные. А пока заметим главное: в Месопотамии ещё нет мира, расколотого на свет и тьму. Добрые боги здесь живут среди грозных, и грань между ними по-

движна. Чтобы появилось чистое добро, понадобится Иран.

Глава 2. Египет. Перо истины

Чёрная земля и красная земля

Если Месопотамия жила в постоянной тревоге, то Египет жил в ритме. Каждый год в конце лета Нил поднимался, выходил из берегов и на несколько недель затоплял долину. Потом вода уходила, оставляя на полях слой чёрного плодородного ила. В него сеяли, весной собирали урожай, летом ждали нового разлива. Так повторялось из года в год, из века в век. Бывали неудачные годы, когда разлив оказывался слишком низким и наступал голод, но в целом Нил был щедр и предсказуем. Греческий историк Геродот назвал Египет даром Нила, и сами египтяне вряд ли бы с ним спорили.

Свою страну египтяне называли Кемет, «Чёрная земля», по цвету ила. А вокруг, сразу за краем долины, начиналась Дешрет, «Красная земля», — пустыня. Граница между ними была видна невооружённым глазом: вот последнее зелёное поле, а за ним — песок и камень. Жизнь и смерть, порядок и хаос лежали рядом, и египтянин видел эту границу каждый день.

Отсюда главное понятие египетского добра. Мир устроен правильно, он хорош, но его правильность нужно постоянно поддерживать, иначе пустыня наступит на поле. Это поддер-

жание правильного порядка египтяне называли словом «маат».

Маат: порядок, правда и справедливость

Маат — одно из тех слов, которые невозможно перевести одним словом. Это и истина, и справедливость, и порядок мироздания, и правильное поведение человека. Восход солнца — это маат. Разлив Нила в положенный срок — маат. Честный суд — маат. Сын, который заботится о старом отце, — маат. Противоположностью маат был «исфет»: беспорядок, ложь, насилие, несправедливость.

Маат была и понятием, и богиней. Её изображали в виде женщины, сидящей на коленях, с прямым страусиным пером на голове. Фараоны на храмовых рельефах подносят богам маленькую фигурку Маат: это был главный дар, ценнее любых жертв. Он означал: царь поддерживает порядок, ради которого боги создали мир. Сами боги, как говорили египтяне, «живут маат», питаются ею.

Важно, что в маат нет ничего героического. Это не подвиг, а повседневная правильность. Египетские поучения, которые отцы оставляли сыновьям, полны очень практических советов: не возноси себя, если ты учён, советуйся и с невеждой; не пользуйся тем, что ты сильнее; не обижай вдову; будь щедр к своим, потому что кто знает, что будет завтра. Самое древнее из таких поучений приписывается вельможе Птах-

хотепу и восходит, по-видимому, к концу III тысячелетия до нашей эры.

Есть и египетская повесть, которая целиком посвящена маат, — «Повесть о красноречивом крестьянине». Бедного крестьянина, который вёз на ослах товар на рынок, ограбил мелкий чиновник. Крестьянин отправился жаловаться к его начальнику, высокому сановнику, и произнёс перед ним речь о справедливости. Речь так понравилась, что сановник доложил о ней фараону, и тот велел нарочно не давать крестьянину ответа, чтобы послушать ещё. Крестьянин приходил девять раз, и девять раз говорил, всё отчаяннее и резче: судья, который берёт взятки, подобен весам, которые лгут; тот, кто должен защищать бедного, сам его грабит. В конце концов ему вернули имущество и щедро вознаградили. История звучит почти как притча о бюрократии, но главное в ней — убеждённость, что справедливость не милость, а долг власти, и что даже бедный крестьянин вправе её требовать.

Суд в Зале двух истин

Египтяне сделали то, чего, насколько мы знаем, до них не делал никто так последовательно: они связали посмертную судьбу человека с тем, как он прожил жизнь. В Месопотамии все умершие, праведники и грешники, попадали в одну и ту же унылую «страну без возврата», где питались пылью. В Египте у мёртвых был суд.

Его подробно описывает «Книга мёртвых» — сборник заклинаний, который клали в гробницу, чтобы помочь умершему в загробном пути. Умерший входит в Зал двух истин. Его встречает бог Анубис с головой шакала и подводит к весам. На одну чашу кладут сердце умершего — египтяне считали сердце вместилищем ума, памяти и совести. На другую — перо Маат. Бог мудрости Тот с головой ибиса стоит рядом и записывает результат. Если сердце тяжелее пера, отягощённое злыми делами, его тут же пожирает чудовище Амат — с головой крокодила, гривой льва и задом гиппопотама. Это была окончательная гибель. Если весы в равновесии, Гор подводит умершего к трону Осириса, и тот принимает его в своё царство.

Перед весами умерший произносил так называемую «исповедь отрицания»: перечислял грехи, которых он не совершал. Этот список — лучшее свидетельство того, что египтяне считали злом. Я не убивал и не приказывал убивать. Я не крал. Я не причинял страданий людям. Я не уменьшал меру зерна и не обвешивал. Я не отнимал молока у младенцев. Я не перегораживал воду канала, когда она должна течь на чужие поля. Я не заставлял никого плакать. Рядом с тяжкими преступлениями стоят вещи совсем обыденные, и это делает список особенно человечным: добро в Египте включало в себя и то, чтобы никого не довести до слёз.

Но есть в «Книге мёртвых» и деталь, которая не даёт нам слишком идеализировать египтян. Одно из заклинаний об-

ращено к собственному сердцу умершего: не свидетельствуй против меня, не выступай против меня перед судьями, не будь мне врагом у весов. Его писали на сердечных скарабеях — каменных амулетах, которые клали на грудь мумии. Иными словами, египтянин не только верил в справедливый суд, но и надеялся, что хорошее заклинание поможет его обойти. Это очень по-человечески, и мы ещё не раз встретим такое двойное отношение: искреннюю веру в справедливость и надежду на то, что для меня сделают исключение.

Осирис, бог, который умер

Владыка загробного суда Осирис сам прошёл через смерть. Миф о нём египетские тексты нигде не излагают целиком: о смерти бога, видимо, не полагалось говорить прямо. Связный рассказ оставил нам уже греческий писатель Плутарх, а египетские источники подтверждают его основные черты.

Осирис был первым царём Египта. Он научил людей земледелию и виноделию, дал им законы, отучил от дикости. Его брат Сет позавидовал ему и убил. По рассказу Плутарха, Сет изготовил роскошный ларец точно по мерке Осириса и на пиру пообещал отдать его тому, кому он придётся впору. Гости ложились в ларец по очереди, и только Осирису он подошёл. Тогда Сет и его сообщники захлопнули крышку, запечатали её и бросили ларец в Нил. Потом, когда жена Оси-

риса Исида нашла тело, Сет рассёк его на части и разбросал по всему Египту.

Исида собрала части тела мужа. Вместе со своей сестрой Нефтидой она оплакала его, а Анубис запеленал тело — так появилась первая мумия. Силой своей магии Исида на краткий миг оживила Осириса и зачала от него сына, Гора. Но вернуться в мир живых Осирис не смог. Он стал царём мёртвых, владыкой иного мира.

Это очень необычный бог. Он добр, но не всесилен: его убили, и он не смог отомстить сам. Он не воин, а страдалец. И именно поэтому к нему тянулись. Осирис прошёл через то, что предстоит каждому, — через смерть, — и победил её, пусть не до конца. Каждый умерший египтянин надеялся повторить его путь. В заупокойных текстах умершего прямо называли «Осирисом» с добавлением его имени: «Осирис такой-то». Поначалу это право было только у фараона, потом у знати, а позже, к Новому царству, оно стало доступно каждому, кто мог оплатить погребение и свиток с заклинаниями. Историки иногда называют это «демократизацией загробного мира».

Осирис был связан и с растительностью. Зерно хоронят в землю, и оно прорастает. В гробницы клали «осирисовы ложа» — деревянные рамки в форме бога, наполненные землёй и зерном, которое прорастало в темноте. Смерть в таком мире не была концом, а была переходом к новой жизни.

Исида, мать и волшебница

Исида — одна из самых притягательных фигур всей мировой мифологии. Она верная жена, которая искала тело мужа по всей земле. Она мать, которая спасала сына от смертельной опасности. И она великая волшебница, «великая чарами», чьё слово сильнее, чем слово многих богов.

После смерти Осириса Исида укрылась с младенцем Гором в зарослях папируса в дельте Нила, в местности Хеммис, прячась от Сета. Мать-одиночка в болотах, без защиты, с ребёнком, которого хочет убить могущественный враг, — так начинается история самого почитаемого материнского образа древности. Изображение Исиды, кормящей грудью Гора у себя на коленях, — одно из самых распространённых в египетском искусстве. В римское время культ Исиды распространился по всему Средиземноморью, её храмы стояли в Риме, в Галлии, на Дунае и даже в Британии. Последний её храм на острове Филе на юге Египта был закрыт лишь в VI веке нашей эры по приказу византийского императора Юстиниана. Искусствоведы давно обратили внимание, как похожи изображения Исиды с младенцем Гором и раннехристианские образы Богоматери с Младенцем. Насколько здесь было прямое влияние, а насколько — общий язык изображения материнства, спорят до сих пор. Мы вернёмся к этому в главе о Матери.

Одна из самых трогательных историй об Исиде сохранилась в магических текстах против укусов скорпионов. Когда Исида скрывалась от Сета, её сопровождали семь скорпионов-охранников. Однажды вечером она попросилась на ночлег в дом богатой женщины, но та, испугавшись вида странницы со свитой скорпионов, захлопнула перед ней дверь. Приютила Исиду бедная девушка из болот. Скорпионы обиделись за свою госпожу, и самый ядовитый из них пробрался в дом богачки и ужалил её сына. Мальчик умирал, мать металась по городу, и никто не мог помочь. Исида услышала её плач и, как говорит текст, пожалела невинного ребёнка. Она положила руки на мальчика, назвала каждого скорпиона по имени, приказала яду выйти — и ребёнок выжил. Богатая женщина, раскаявшись, отдала своё добро Исиде и бедной девушке.

Здесь важны две вещи. Исида спасает ребёнка той, кто её оскорбил: её доброта не зависит от того, хорошо ли с ней обошлись. И эта история была не просто сказкой, а рабочим заклинанием: её читали над ужаленным, чтобы повторить чудо. Миф был лекарством.

Но и Исида не безупречна. Другой миф рассказывает, как она захотела узнать тайное имя бога солнца Ра, дававшее власть над ним. Старый Ра пускал слюну. Исида смешала её с землёй, вылепила змею и положила на его пути. Змея ужалила Ра, и тот страдал от яда, который не мог исцелить. Исида согласилась помочь, только если он откроет ей своё имя.

Ра долго хитрил, но в конце концов уступил. Великая мать была и великой интриганкой. Её доброта — это доброта силы, а не беспомощности.

Гор, сын, который отомстил

Гор, сын Исиды и Осириса, — бог неба, которого изображали в виде сокола или человека с головой сокола. Его правый глаз — солнце, левый — луна. Когда он вырос, то вызвал Сета на суд, чтобы вернуть себе престол отца. Тяжба перед советом богов, как говорит один из папирусов, тянулась восемьдесят лет. Это поразительный текст: в нём боги ведут себя как сварливые вельможи, переругиваются, обижаются, устраивают состязания. Гор и Сет превращаются в гиппопотамов и пытаются утопить друг друга, плывут наперегонки на каменных лодках. Гор при этом хитрит: его лодка сделана из дерева и лишь обмазана гипсом под камень, так что настоящая каменная лодка Сета идёт ко дну, а лодка Гора плывёт. В одной из схваток Сет вырывает у Гора глаз, но богиня исцеляет его. В конце концов боги признают правоту Гора, и он становится царём.

Исцелённый глаз Гора, «уаджет», стал одним из самых популярных египетских амулетов. Само слово означало «целый, невредимый». Это был знак восстановленной полноты, здоровья, защиты. Египтяне носили его при жизни и клали в гробницы.

Каждый живой фараон считался воплощением Гора, а умерший — Осирисом. Так миф о семье богов становился основой государства: власть законна, когда переходит от отца к сыну, и сын обязан защитить наследие отца от узурпатора. Добро в этой истории — это верность роду, справедливость наследования и победа законного над незаконным. Гор не самый обаятельный персонаж египетской мифологии, но самый правильный.

Хатхор, госпожа радости

Хатхор — богиня любви, музыки, танца, веселья и опьянения. Её изображали в виде коровы или женщины с коровьими ушами, иногда с солнечным диском между рогами. Она была небесной коровой, которая кормит мир молоком, покровительницей женщин, матерей и влюблённых. Семь Хатхор являлись при рождении ребёнка и предсказывали его судьбу, как добрые феи европейских сказок. Её праздники были весёлыми, шумными и хмельными.

Но и в этой ласковой богине скрыта тёмная сторона. Миф об истреблении людей рассказывает, что, когда Ра состарился, люди задумали против него зло. Ра послал на них своё Око в образе Хатхор. Но, спустившись на землю, богиня превратилась в Сехмет, свирепую львицу, и начала убивать людей без разбора, упиваясь кровью. Ра понял, что она истребит всё человечество, и пожалел о своём решении. Он велел

наварить семь тысяч кувшинов пива, подкрасить его красной охрой, чтобы оно было похоже на кровь, и разлить по полям. Утром львица увидела красные озёра, жадно напилась, опьянела и уснула. Проснувшись, она снова стала кроткой Хатхор и забыла о мести. Люди были спасены. В память об этом египтяне устраивали праздник опьянения.

В этом мифе одна и та же богиня оказывается и кроткой коровой, и кровожадной львицей. Это не две богини, а два лица одной силы. Мы уже видели нечто похожее в Инанне. Древние люди понимали, что сила, дающая любовь и радость, может обернуться яростью. И добрым надо было считать не того, кто никогда не гневается, а того, чей гнев можно укротить.

Тот, писец богов

Тот, бог с головой ибиса (иногда его изображали в виде павиана), был богом мудрости, письма и счёта, луны и времени. Он изобрёл иероглифы, вёл летопись богов, записывал приговор на загробном суде. Он помогал Исиде заклинаниями, лечил глаз Гора, был советником Ра. Писцы — а в Египте это было уважаемое и влиятельное сословие — считали его своим покровителем и перед началом работы совершали возлияние в его честь, капая на землю немного воды из своего прибора для письма.

Тот почти лишён драмы. Он не страдает, как Осирис, не

гневается, как Хатхор, не мстит, как Гор. Он знает, записывает, считает и советует. Добро в нём предстаёт как знание и точность — то, что так ценила египетская бюрократическая цивилизация. Позже греки отождествили Тота со своим Гермесом, и из этого слияния вырос загадочный образ Гермеса Трисмегиста, «трижды величайшего», которому приписывали тайные учения. Но это уже другая история.

Бес, страшный защитник

Последний из добрых богов этой главы выглядит так, будто его место среди демонов. Бес — карлик с короткими кривыми ногами, большим животом, львиной гривой, широким лицом и высунутым языком. Он корчит рожи, пляшет, гремит бубном, иногда размахивает ножом. Для египетского искусства, где боги обычно изображались стройными и спокойными, такая внешность была вызывающей: Бес — одно из немногих божеств, которых рисовали анфас, лицом к зрителю.

И всё же Бес — один из самых любимых и добрых богов Египта. Он охранял дома, спальни, рожениц и младенцев. Его безобразие было оружием: своими рожами, плясками и шумом он отпугивал злых духов, змей и скорпионов. Его изображения вырезали на кроватях, подголовниках, зеркалах, детских погремушках, его амулеты носили беременные женщины. Рядом с ним часто изображали Таурт — бо-

гиню-бегемотиху с огромным животом, тоже покровительницу родов. Пара выглядела устрашающе, но именно им египетская женщина доверяла самое дорогое.

Бес преподаёт урок, который нам ещё не раз пригодится: внешность добра и зла не совпадает с их сутью. Страшное лицо может принадлежать защитнику, а прекрасное — губителю. Мифологическое мышление знало это гораздо лучше, чем иные позднейшие иконографии, где ангелы всегда прекрасны, а бесы всегда уродливы.

Солнце, которое любит всех

В рассказе о египетском добре нельзя не упомянуть об одном эпизоде, хотя он и остался коротким. В XIV веке до нашей эры фараон Аменхотеп IV, взявший имя Эхнатон, попытался заменить множество богов одним — Атоном, солнечным диском, чьи лучи на изображениях заканчиваются маленькими руками, протягивающими людям знак жизни. Дошедший до нас Гимн Атону воспевает бога, который создал всех живых существ и заботится о каждом: о птенце в яйце, о рыбах в реке, о людях не только Египта, но и чужих стран, которым он дал разные языки и разный цвет кожи. Это одно из первых известных выражений мысли, что добрый бог заботится обо всех, а не только о своём народе. После смерти Эхнатона его реформа была отвергнута, его город заброшен, имя стёрто из списков царей. Но сама мысль никуда не ис-

чезла.

Каким было добро в Египте

Египетское добро гораздо светлее месопотамского. Мир в целом хорош, устроен правильно, и его правильность можно поддерживать. Смерть — не конец, а переход, и на той стороне ждёт не пыль, а суд и, если повезёт, блаженные поля, похожие на египетские, только ещё плодороднее. И судят там за то, как человек обходился с людьми: не обвешивал ли, не обижал ли сироту, не заставлял ли плакать.

У этого добра есть лица. Маат — правильный порядок. Осирис — надежда на жизнь после смерти. Исида — верность и материнская любовь, сильная и хитроумная. Гор — законная власть и сыновний долг. Хатхор — радость жизни, укротившая собственный гнев. Тот — знание. Бес — защита, которая не обязана быть красивой.

И всё же даже в Египте граница между добром и злом проведена не так резко, как мы привыкли. Добрые боги хитрят и гневаются. А главный злодей египетской мифологии Сет, убийца Осириса, каждую ночь стоит на носу солнечной ладьи и копьём отражает змея Апопа, который хочет проглотить солнце. Без Сета Ра не пережил бы ночи. Об этом — в главе о злых силах Египта.

Глава 3. Индия. Хранитель, который приходит снова

Страна бесчисленных богов

Если спросить, сколько богов в индуизме, можно услышать знаменитый ответ: тридцать три миллиона. Или триста тридцать миллионов. Число, конечно, условное: оно означает «бесконечно много». У каждой деревни своя богиня-покровительница, у каждой реки своё божество, у каждой касты и ремесла свои святые и духи. И в то же время любой образованный индиец скажет вам, что все они — лишь проявления единой высшей реальности. Многобожие и единобожие в Индии не спорят друг с другом, а уживаются, и это первое, что надо понять о здешнем добре.

Второе — возраст. Индийская традиция непрерывна. Гимны, которые пели три с лишним тысячи лет назад, поют и сегодня. Боги, которым поклонялись во времена египетских фараонов, до сих пор получают цветы и масляные светильники в миллионах храмов. Месопотамских и египетских богов мы знаем по раскопкам и расшифрованным текстам; индийских можно увидеть в живом культе, на уличном празднике, на календаре в лавке. Поэтому в этой главе прошлое и настоящее будут постоянно переплетаться.

Порядок, который держит мир

Древнейший памятник индийской религии — Ригведа, собрание гимнов, сложенных, по-видимому, между 1500 и 1200 годами до нашей эры ариями — народом, говорившим на древнем индоевропейском языке, ближайшем родственнике иранского. В гимнах воспевается множество богов. Индра, могучий громовержец, пьющий священный напиток сому, убивает змея Вритру, который запер мировые воды, и выпускает реки на землю. Агни, бог огня, служит посредником между людьми и богами: он принимает жертву на земле и уносит её с дымом на небо. Варуна, владыка небесного свода, следит за тем, чтобы соблюдался закон, и видит все человеческие грехи. Его спутник Митра охраняет договоры и дружбу.

Варуна стоит на страже понятия, которое называлось «рита». Это мировой порядок: благодаря ему солнце встаёт, реки текут, времена года сменяют друг друга, а люди говорят правду и держат слово. Читатель, который помнит предыдущую главу, сразу узнает здесь египетскую маат. А в следующей главе, об Иране, мы встретим то же самое понятие под именем «аша» — и это уже не случайное сходство. Индийская «рита» и иранская «аша» восходят к одному древнему слову и одной идее, общей для предков индийцев и иранцев. Египетская маат с ними не родственна: к одной и той же

мысли о космическом порядке, который есть одновременно и правда, и справедливость, пришли независимо.

Позже место «риты» заняло понятие «дхарма». Это слово часто переводят как «закон», «долг» или «праведность», но и его, как маат, невозможно передать одним словом. Дхарма — то, что держит мир, и то, что человек обязан делать, чтобы мир держался. И здесь индийское добро резко отличается от того, к чему мы привыкли. Дхарма не одинакова для всех. У жреца одна дхарма, у воина другая, у земледельца третья, у ученика иная, чем у домохозяина или отшельника. В «Бхагавадгите», одной из самых почитаемых книг индуизма, воин Арджуна перед битвой не хочет сражаться: по другую сторону стоят его родичи и учителя. Бог Кришна убеждает его, что долг воина — сражаться, и произносит мысль, которую в Индии знает каждый: лучше исполнять свою дхарму несовершенно, чем чужую — превосходно.

Это добро не универсальное, а ролевое. Оно связано с делением общества на сословия-варны, и в современной Индии о нём идут серьёзные споры: одни видят в идее «своей дхармы» мудрость, другие — оправдание неравенства. Для нас важно другое. Здесь добро понимается не как набор правил, одинаковых для каждого, а как верность своему месту в огромном, сложно устроенном целом.

Третья опора индийского добра — закон кармы. Каждый поступок, добрый или злой, приносит свои плоды, если не в этой жизни, то в следующей. Душа рождается снова и сно-

ва, и то, кем она станет, зависит от того, как она жила. Выход из этого круга перерождений, освобождение, «мокша», и есть высшее благо. Богам здесь отведена особая роль: они не столько судят, сколько помогают, защищают, указывают путь.

Вишну, который приходит снова

Среди бесчисленных богов индуизма постепенно выделились три великих: Брахма-творец, Вишну-хранитель и Шива-разрушитель. Схема эта довольно поздняя и, как всякая схема, упрощает. Брахме почти не строили храмов, а Шиву, как мы увидим, никак нельзя свести к разрушению. Но роль Вишну в ней определена точно: он хранит мир.

В Ригведе Вишну — второстепенный бог, известный в основном тем, что тремя шагами измерил вселенную. Но со временем он стал одним из двух верховных богов индуизма. Его изображают синекожим, четырёхруким, с раковиной, диском, булавой и цветком лотоса в руках. Между эпохами существования мира он спит на свернувшемся кольцами тысячеголовом змее Шеше, плывущем по водам мирового океана, а у его ног сидит его супруга Лакшми.

Самое главное в Вишну — его аватары, «нисхождения». Когда в мире слабеет дхарма и берёт силу зло, Вишну рождается на земле в каком-либо облике, чтобы восстановить порядок. Об этом Кришна, сам одна из аватар Вишну, говорит

в «Бхагавадгите»: всякий раз, когда приходит в упадок праведность и возвышается неправедность, я являю себя, чтобы защитить добрых и сокрушить злых, и прихожу из века в век. В этой мысли — сердце индийского добра. Зло не побеждено раз и навсегда, но и добро никогда не оставляет мир без защиты. Хранитель возвращается.

Традиционно насчитывают десять главных аватар, и в их перечне есть почти всё, что может прийти в голову. Вишну был Рыбой, которая предупредила праотца людей Ману о потопе и провела его корабль через воды. (Ещё один рассказ о потопе — и снова доброе божество спасает человека, хотя на этот раз без хитростей Энки.) Он был Черепахой, на панцирь которой оперлась гора во время пахтания мирового океана. Вепрем, который поднял на клыках землю со дна вод. Человеком-львом, о котором стоит рассказать подробнее.

Демонический царь Хираньякашипу получил от Брахмы удивительный дар: его не мог убить ни человек, ни зверь, ни днём, ни ночью, ни в доме, ни под открытым небом, ни на земле, ни в воздухе, ни каким-либо оружием. Уверенный в своём бессмертии, он стал мучить всех, кто почитал Вишну, и прежде всего собственного сына Прахладу, благочестивого мальчика. Однажды он в ярости спросил сына, где же его бог, и ударил по колонне: здесь, что ли? Колонна раскололась, и из неё вышел Нарасимха — ни человек, ни зверь, с телом человека и головой льва. Были сумерки — ни день, ни ночь. Он схватил демона на пороге — ни в доме, ни снаружи,

положил его к себе на колени — ни на землю, ни в воздух, и растерзал когтями — не оружием. Ни одно условие дара не было нарушено.

Эта история, любимая в Индии, показывает особый облик индийского добра. Оно не отменяет законов мира, даже тех, которыми злодей пытался себя защитить. Оно находит лазейку в самих законах. Мы уже видели нечто подобное у Энки, который говорил со стеной. Хранитель мира — ещё и великий знаток его правил.

Другая аватара, Карлик, история ещё тоньше. Царь асуров Бали стал так могуществен, что отнял у богов власть над тремя мирами. Но Бали был не злодеем, а праведным и щедрым правителем. Вишну пришёл к нему в облике маленького мальчика-брахмана и попросил всего три шага земли. Щедрый царь согласился. Тогда Карлик вырос до размеров вселенной: первым шагом он покрыл землю, вторым — небо, а для третьего места не осталось. И Бали склонил голову: ступи на неё. Вишну отправил его в подземный мир, но, тронутый его благородством, даровал ему милость. В штате Керала на юге Индии и сегодня празднуют Онам — праздник, когда, как верят, добрый царь Бали каждый год возвращается навестить свой народ. Асур, которого победил Вишну, оказывается любимым народным героем. Мы ещё не раз увидим, что в Индии граница между богами и демонами проходит не там, где мы ожидали бы.

Две самые почитаемые аватары — Рама и Кришна. О них

сложены два великих эпоса Индии: «Рамаяна» и «Махабхарата».

Рама — образец добродетели, идеальный сын, муж и царь. Отец изгоняет его в лес на четырнадцать лет из-за интриг мачехи, и Рама уходит без единого упрёка, потому что слово отца для него закон. В лесу демон Равана похищает его жену Ситу, и Рама с войском обезьян идёт на остров Ланку, побеждает Равану и освобождает жену. Возвращение Рамы в столицу, по преданию, празднуют каждую осень огнями Дивали. Но в «Рамаяне» есть и эпизоды, которые смущают и современного читателя, и многих индийцев: после освобождения Рама требует от Ситы доказать её верность испытанием огнём, а позже, поверив слухам, изгоняет её, уже беременную. Безупречный царь оказывается жестоким мужем, потому что ставит долг правителя выше любви. Эти главы не раз переписывались в народных пересказах и до сих пор вызывают споры о том, что такое настоящая дхарма.

Кришна — совсем другой. Его детство — череда проказ: он ворует масло у соседок, дразнит пастушек, играет на флейте, и коровы и девушки сходят с ума от его музыки. Взрослым он становится мудрым советником и возницей Арджуны в великой битве. Но и в битве он не всегда играет честно: по его совету герои не раз прибегают к хитростям, которые трудно назвать благородными. Кришна — бог любви, игры и хитрости одновременно, и это один из самых любимых богов Индии. Добро в нём не строгое, а радостное,

хотя и с изрядной долей лукавства.

Пахтание океана

Одна из самых знаменитых историй индийской мифологии объединяет почти всех добрых героев этой главы. Боги-дэвы ослабели и решили добыть из мирового океана напиток бессмертия, амриту. Для этого океан надо было взбить, как молоко взбивают в масло. Мутовкой служила огромная гора, верёвкой — змей Васуки, которого обмотали вокруг горы. Вишну в облике черепахи подставил под гору свой панцирь, чтобы она не провалилась. Сил одних богов не хватало, и они позвали на помощь своих противников — асуров. Дэвы тянули змея с одной стороны, асуры с другой, и так тысячу лет взбивали океан.

Из океана одно за другим стали появляться сокровища: луна, чудесная корова, исполняющая желания, божественный слон, небесные девы. Вышла из волн, сидя на цветке лотоса, богиня Лакшми. Последним явился небесный врач с сосудом амриты. Но прежде, чем появилась амрита, из океана вырвался страшный яд, способный уничтожить всё живое. Никто не знал, что с ним делать. И тогда Шива взял яд и выпил его. Чтобы яд не попал внутрь, его супруга Парвати сжала Шиве горло, и с тех пор горло у него синее. Одно из имён Шивы — Нилакантха, «синегорлый».

Великий разрушитель, бог смерти и аскезы, оказывается

тем, кто спас мир, приняв в себя его отраву. В индийской мифологии Шива — бог предельно двойственный: он и грозный, и милостивый, и разрушитель, и благодетель, которого, как говорят, легче всех умилостивить. Но в этой истории его поступок — чистое добро: взять на себя то, что погубило бы всех.

А что же асуры? Когда показалась амрита, они схватили сосуд. Тогда Вишну принял облик ослепительной красавицы, Мохини, отвлёк асуров и раздал напиток одним только богам. Добрые боги победили — но с помощью обмана тех, кто честно трудился вместе с ними. Индийская мифология не скрывает этого и не пытается оправдать. Она просто рассказывает.

Лакшми, богиня удачи

Лакшми, вышедшая из океана на лотосе, — богиня богатства, процветания, красоты и удачи, супруга Вишну. Её изображают прекрасной женщиной в красном, сидящей или стоящей на лотосе, с цветами в руках; из её ладони сыплются золотые монеты, а два слона по сторонам поливают её водой из хоботов. Лакшми рождается вместе с каждой аватарой Вишну: она была Ситой при Раме и возлюбленной Кришны.

Лакшми — добрая богиня, но не постоянная. Одно из её прозвищ — «непоседливая». Удача приходит и уходит, и Лакшми задерживается только там, где ей рады: в чистом

доме, у трудолюбивых и честных людей. В праздник Дивали индийцы моют и украшают дома, зажигают сотни светильников и оставляют двери открытыми, чтобы Лакшми зашла к ним в гости. Здесь в образе богини выражено очень трезвое понимание богатства: оно — дар, но дар, который надо заслужить и удержать, и который всегда может покинуть.

Ганеша, устранитель препятствий

Самый узнаваемый бог Индии — Ганеша, с головой слона, большим животом и одним сломанным бивнем. Он ездит на мыши и обожает сладости. Ганеше молятся в начале любого дела: перед дорогой, экзаменом, свадьбой, открытием лавки, началом книги. Он — устранитель препятствий, и без его благословения ни одно начинание не будет удачным.

Миф о его рождении трогателен и странен. Богиня Парвати, супруга Шивы, собиралась купаться и хотела, чтобы кто-нибудь охранял её покой. Она слепила мальчика из глины или, по другим пересказам, из куркумовой пасты, которой натёрла тело, оживила его и поставила у двери. (Вспомним Энки, который вылепил своих спасителей из грязи из-под ногтей: доброе существо из самого скромного материала — мотив, который нам ещё встретится.) Вернулся Шива, которого мальчик никогда не видел, и тот не пустил его к матери. В ярости Шива отрубил мальчику голову. Парвати была безутешна, и Шива, раскаявшись, пообещал вернуть сына к

жизни. Он велел принести голову первого же встреченного существа, и это оказался слон. Так Ганеша получил свою голову, а с нею — почётное место первого среди богов.

Есть и другие истории, которые объясняют его нрав. Однажды Шива и Парвати устроили сыновьям состязание: кто первым обойдёт весь мир. Брат Ганеши, бог войны Сканда, вскочил на павлина и умчался. А Ганеша, которому на мыши далеко не уехать, просто обошёл вокруг родителей и сказал: для меня мои отец и мать и есть весь мир. Победа была присуждена ему. А когда мудрец Вьяса диктовал «Махабхарату», Ганеша взялся её записывать, но поставил условие: диктовать без остановок. На середине у него сломалось перо, и, чтобы не прерываться, он отломил собственный бивень и продолжал писать им.

Ганеша — это добро разума, находчивости и почтения к родителям. Но и у него есть другая сторона: он не только устраняет препятствия, но может и ставить их тем, кто не оказал ему должного уважения. Даже этот добродушный бог требует к себе внимания.

Хануман, верный спутник

Хануман — обезьяний бог, сын бога ветра, герой «Рамаяны». Ребёнком он принял восходящее солнце за спелый плод и прыгнул в небо, чтобы его съесть. Бог Индра ударил его громом по челюсти, и с тех пор он Хануман, «с изуродован-

ной челюстью». Он мог менять свой размер, летать, поднимать горы.

Когда демон Равана похитил Ситу, именно Хануман одним прыжком перелетел через море на Ланку, нашёл Ситу в саду демона и передал ей кольцо Рамы — знак, что помощь близка. Когда в битве был смертельно ранен брат Рамы, Лакшмана, лекарь сказал, что спасти его может только трава, растущая далеко на севере, в Гималаях. Хануман полетел туда, но не сумел отличить нужную траву от других и, недолго думая, вырвал и принёс всю гору целиком. Лакшмана был спасён.

Но любят Ханумана не столько за силу, сколько за преданность. Согласно известному преданию, когда Сита подарила ему драгоценное ожерелье, он стал раскусывать жемчужины одну за другой. На вопрос, что он делает, Хануман ответил, что ищет в них Раму и Ситу, а без них камни ему не нужны. Над ним стали смеяться: а в тебе-то они есть? И тогда Хануман разорвал себе грудь, и все увидели в его сердце Раму и Ситу. Этот образ — одно из самых популярных изображений в Индии.

Хануман — воплощение «бхакти», преданной любви к божеству, которая стала главной формой индийского благочестия за последнюю тысячу лет. И в то же время он — образцовый спутник героя: сильный, находчивый, бескорыстный, не претендующий на первое место. Мы вернёмся к нему в главе о Спутнике, где он окажется в одном ряду с Энкиду, се-

рым волком из русской сказки и китайским Царём обезьян.

Кали и Дурга: грозная мать

Последний раздел главы — о богине, которая стоит среди добрых сил с самыми большими оговорками. Если бы нужно было выбрать одно изображение, способное напугать человека, не знакомого с индийской культурой, это была бы Кали. Чёрная или тёмно-синяя кожа, распущенные волосы, высунутый красный язык, ожерелье из отрубленных голов, юбка из отрубленных рук, в руках меч и голова демона. Она стоит, попирая ногой распростёртого на земле Шиву.

И всё же для миллионов индийцев, особенно в Бенгалии, Кали — прежде всего Мать. Её называют просто «Ма». Чтобы понять, как это возможно, надо рассказать о её происхождении.

Древний текст «Деви-махатмья», «Величие Богини», рассказывает о том, как демон-буйвол Махиша победил богов и изгнал их с неба. Ни один бог не мог с ним справиться. Тогда боги соединили свой гнев, и из этого огня родилась богиня Дурга — прекрасная воительница на льве, с оружием всех богов в многочисленных руках. Она сразилась с Махишей и убила его. Праздник в честь этой победы, Дурга-пуджа, — главный праздник Бенгалии, когда по улицам проносят огромные изображения богини.

В другой битве Дурга встретила демона Рактабиджу, у ко-

торого была страшная способность: каждая капля его крови, упавшая на землю, превращалась в нового демона. Чем сильнее его ранили, тем больше становилось врагов. Тогда из гневного лба Дурги вышла Кали. Она пожирала новых демонов и пила кровь Рактабиджи, не давая ей упасть на землю, пока он не погиб. Опьянённая победой, Кали пустилась в разрушительный танец, от которого задрожали миры. Чтобы остановить её, Шива лёг на землю у неё на пути. Наступив на собственного мужа, Кали опомнилась и высунула язык — по бенгальскому толкованию, от стыда. Так объясняют её самое известное изображение.

Кали страшна, но страшна для зла. Она — гнев, обращённый против того, кого нельзя победить обычными средствами. А для своих детей, для верующих, она — мать, которая защищает, утешает и принимает. Бенгальский поэт XVIII века Рампрасад Сен сложил сотни песен, где обращается к Кали, как ребёнок к матери: с нежностью, обидой, упрёками, любовью. Мистик XIX века Рамакришна, один из самых почитаемых святых современного индуизма, всю жизнь служил Кали в храме под Калькуттой и говорил о ней как о любящей матери.

Индийская традиция здесь говорит то, чего мы ещё не слышали так ясно ни в Месопотамии, ни в Египте: настоящая материнская любовь может быть грозной. Мать, защищающая ребёнка, не кротка. Мы встретим этот мотив ещё не раз, но нигде он не выражен так полно, как в Кали.

Каким было добро в Индии

Подведём итог. Индийское добро — это прежде всего порядок, дхарма, которая держит мир и которую каждый поддерживает на своём месте. Это хранитель, который всякий раз возвращается, когда порядок рушится, — в облике рыбы, черепахи, человека-льва, царя или пастуха. Это удача, которую надо заслужить. Это разум, который устраняет препятствия. Это преданная любовь, которая готова разорвать себе грудь. И это грозный гнев, обращённый против зла.

В индийском добре есть черты, которых мы ещё не встречали. Это добро, которое возвращается, — циклическое, как сами эпохи мира. Это добро ролевое, которое требует от каждого своего. И это добро, которое не стесняется хитрости: Вишну обманывает асуров, Кришна советует героям нечестные приёмы, и мифология не пытается это скрыть.

И наконец, Индия вновь показывает то, о чём мы говорили во введении: граница между богами и демонами не так проста. Праведный асур Бали стал любимым народным героем. Асуры и дэвы вместе пахтали океан. А само слово «асура» в древнейших гимнах Ригведы было почётным титулом, которым называли даже самого Варуну. Как асуры стали демонами, а их иранские собратья, ахуры, — богами добра, мы расскажем в главе о злых силах Индии. А пока перейдём в Иран, где впервые в истории мир был разделён на свет и

тьму.

Глава 4. Иран. Великий выбор

Пророк из страны пастухов

Иранское нагорье — суровая страна. Высокие плато, горные хребты, степи, пустыни, редкие оазисы. Зимы холодные, лета жаркие. Здесь три с половиной тысячи лет назад кочевали и пасли скот предки иранцев — близкая родня тех ариев, что ушли в Индию и сложили Ригведу. Их языки были так похожи, что некоторые строки древнеиранских гимнов можно почти дословно переложить на древнеиндийский, заменив несколько звуков. У них были общие боги, общие обряды, общий священный напиток (индийская сома, иранская хаома) и общее понятие мирового порядка — «рита» у индийцев, «аша» у иранцев.

Жизнь мирных скотоводов была тяжёлой и опасной. На их пастбища то и дело нападали воинственные соседи, угоняли скот, убивали людей. Мир делился для них не на хаос и порядок, как в Египте, а на тех, кто трудится и хранит, и тех, кто грабит и разрушает. И в этом мире появился человек, который изменил представления человечества о добре и зле, вероятно, сильнее, чем кто-либо до него.

Его звали Заратуштра; греки переиначили имя в Зороастра, а в русской традиции привилось и немецкое прочтение —

Заратустра. Когда он жил, как уже говорилось во введении, точно не известно: учёные называют разные даты, от XV до VI века до нашей эры, и многие склоняются к рубежу II и I тысячелетий. Где он жил — тоже спорят, но скорее всего на северо-востоке иранского мира, в нынешних Средней Азии или Афганистане. Он был жрецом прежней, общей с индийцами религии. Предание говорит, что в тридцать лет, стоя на рассвете у реки, он увидел сияющее существо, которое привело его к Ахура-Мазде, и тот открыл ему истину.

От самого Заратустры до нас дошли семнадцать гимнов — «Гаты». Это короткие, тёмные, очень древние по языку тексты, которые трудно переводить. Но главное в них видно ясно.

Два духа и выбор человека

В одном из гимнов Заратустра говорит о двух изначальных духах, которые явились как близнецы. Один из них выбрал правду и благо, другой — ложь и зло. Выбрали они, говорит пророк, в мыслях, в словах и в делах. И то же самое выбирает каждый человек.

В этих нескольких строках — революция. До Заратустры, как мы видели, мир населяли силы двойственные, опасные и полезные одновременно: Инанна, которая любит и губит, Хатхор, которая становится Сехмет, Шива-разрушитель, который спасает мир. Задача человека была в том, чтобы ла-

дить с этими силами. Заратустра провёл резкую черту. Есть добро и есть зло, и между ними нет перемирия. Есть Аша — правда, порядок, справедливость. И есть Друдж — ложь, обман, разрушение. Всё в мире стоит на одной или на другой стороне. И человек не может отсидеться в стороне: он обязан выбрать.

Отсюда вытекает и новое понимание человека. В Месопотамии человек — работник богов. В Египте — участник поддержания маат, но поддержание это скорее обрядовое. В Индии — исполнитель своей дхармы на своём месте. У Заратустры человек — союзник добра в космической войне. От его выбора зависит не только его собственная судьба, но и исход битвы между светом и тьмой. Каждая добрая мысль, каждое правдивое слово, каждое честное дело прибавляет сил Аше. Каждая ложь укрепляет Друдж.

Вся этика зороастризма уложилась в три слова, которые до сих пор повторяет каждый верующий: «хумата, хухта, хваршта» — благая мысль, благое слово, благое дело. Ничего более простого и более требовательного трудно придумать.

Ахура-Мазда, Господь Мудрость

Главного бога Заратустра называл Ахура-Мазда — «Господь Мудрость» или «Мудрый Господь». Слово «ахура», господин, родственно индийскому «асура», и в Индии, как мы видели, асуры со временем стали демонами. А в Иране один

из ахуров стал единственным истинным богом. Прежних же богов, дэвов, — то есть ту самую родню индийских дэвов — Заратустра объявил демонами, слугами лжи. Две родственные религии разошлись в противоположные стороны, и одни и те же слова стали означать у них прямо противоположное. Это одна из самых поразительных историй в истории религий, и мы вернёмся к ней в главе о злых силах Индии.

Ахура-Мазда у Заратустры — бог света, мудрости и правды, творец всего доброго в мире. Но только доброго. Он не создавал зла, не насылал болезней и смерти, не губил людей потопом. Зло существует само по себе, как враг, против которого Ахура-Мазда ведёт войну. Это главное отличие иранского добра от всего, что мы видели раньше. Бог здесь впервые предстаёт как чистое, беспримесное благо, без тёмной стороны, без гнева, который нужно укрощать, без хитростей и обмана. Цена за это — признание того, что бог не всемогущ: у него есть равный по силе противник, по крайней мере до конца времён.

Древние зороастрийцы не делали изображений своего бога. Греческий историк Геродот удивлялся, что персы не строят храмов и не ставят статуй, а молятся под открытым небом, на вершинах гор. Позже появились храмы огня, где неугасимое пламя поддерживают день и ночь. Зороастрийцы не поклоняются огню как богу, хотя их часто называли огнепоклонниками; огонь для них — самый чистый и самый близкий образ Аши, света и правды. На персидских рельефах ча-

сто встречается крылатый диск с человеческой фигурой посередине, так называемый фаравахар. Сегодня его считают символом зороастризма, но что именно он изображал в древности — Ахура-Мазду, божественную славу царя или что-то третье — учёные спорят.

Бессмертные Святые

Вокруг Ахура-Мазды стоят шесть сущностей, которых называют Амеша Спента — «Бессмертные Святые». Их имена звучат не как имена богов, а как названия добродетелей: Благая Мысль, Лучшая Правда, Желанная Власть, Святое Благочестие, Целостность, Бессмертие. Они одновременно и свойства самого бога, и его помощники, и силы, которые может обрести в себе человек.

Самое интересное в них — что каждый из Бессмертных Святых покровительствует одной из частей творения. Благая Мысль хранит скот, Лучшая Правда — огонь, Желанная Власть — металлы, Святое Благочестие — землю, Целостность — воды, Бессмертие — растения. Добродетель и мир природы оказываются связаны. Тот, кто жестоко обращается со скотом, оскорбляет Благую Мысль. Тот, кто загрязняет воду, вредит Целостности. Отсюда строгие зороастрийские правила чистоты: нельзя осквернять землю, воду и огонь, нельзя зарывать в землю мёртвые тела или сжигать их. Мёртвых издавна оставляли на возвышенных местах, а позже —

на особых каменных башнях, «башнях молчания», где их склёвывали птицы. Обычай кажется нам жутким, но в его основе — забота о чистоте земли и огня, доведённая до предела.

Позже, в христианской и иудейской традиции, мы встретим архангелов, стоящих у престола Бога. Многие исследователи видят в них отдалённых потомков Бессмертных Святых. Насколько прямая здесь связь, решить трудно, но сходство заметить нетрудно.

Правда как первая добродетель

Если в Египте главными грехами были насилие и несправедливость, то в Иране — ложь. Само зло называлось Друдж, Ложь. И это не только религиозная абстракция: персы действительно ставили правдивость выше всего.

Геродот, который о персах писал много и в целом без особой симпатии, сообщает две любопытные вещи. Персидских мальчиков, говорит он, учат трём вещам: ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду. И самым постыдным делом у персов считается ложь, а вторым — брать в долг, потому что тот, кто в долгу, неизбежно начинает лгать.

Персидские цари подтверждают это собственными словами. Царь Дарий в конце VI века до нашей эры велел высечь на Бехистунской скале огромную надпись о своих победах. Все мятежники, которых он подавил, по его словам, восста-

ли потому, что их обуяла Ложь. А в конце надписи он обращается к будущим царям: остерегайся Лжи, и того, кто лжёт, наказывай строго. Можно, конечно, заметить, что сам Дарий пришёл к власти при довольно тёмных обстоятельствах и в надписи излагал свою, выгодную ему версию событий. Но важно, что даже победитель, оправдывая себя, говорил на языке правды и лжи. Ложь была для перса не мелким пороком, а изменой мировому порядку.

Митра, хранитель договора

Заратустра в «Гатах» говорит только об Ахура-Мазде и его Бессмертных Святых. Но после него в религию вернулись многие древние иранские божества, теперь уже как помощники Ахура-Мазды. Их называли «язата», «достойные почитания». Самый важный из них — Митра.

Митра, родня индийского Митры, был богом договора и клятвы. Само его имя означало «договор». Гимн в его честь описывает бога, у которого тысяча ушей и десять тысяч глаз: он слышит каждое данное слово и видит каждого, кто его нарушил. Утром он поднимается над горами раньше солнца и обозревает всю землю. Того, кто солгал Митре, то есть нарушил договор, бог настигнет, где бы тот ни скрылся. А тем, кто держит слово, он дарует быстрых коней и добрых сыновей. Договор у Митры понимается очень широко: это и сделка двух купцов, и клятва вассала, и союз двух народов,

и дружба, и брак. Всё, на чём держится человеческое общество, держится на верности слову.

В Римской империи впоследствии распространился культ Митры, популярный особенно среди солдат. Но этот «римский Митра» с его подземными святилищами, тайными посвящениями и сценой убийства быка — во многом уже другое божество, и связь его с иранским Митрой до сих пор обсуждается.

Рядом с Митрой стоит богиня Анахита — «Незапятнанная», богиня вод, плодородия и чистоты. Её гимн описывает прекрасную деву в золотом плаще, с золотой короной, которая правит колесницей, запряжённой четырьмя белыми конями: ветром, дождём, облаком и градом. Она очищает семя мужчин и утробу женщин, дарует лёгкие роды и обильное молоко. Персидские цари более позднего времени обращались в надписях к Ахура-Мазде, Митре и Анахите вместе.

Фраваши, души-хранители

Одно из самых своеобразных иранских представлений — фраваши. Это духовные сущности, которые существуют прежде рождения человека и остаются после его смерти. Каждый праведник, живший, живущий и ещё не рождённый, имеет свою фраваши. Они были созданы Ахура-Маздой в самом начале и добровольно согласились спуститься в мир, чтобы сражаться со злом в телах людей.

Фраваши защищают своих родичей, помогают в битвах, оберегают семьи, дают силу растениям и водам. В гимне в их честь говорится, что они слетаются, как крылатые птицы, к тем, кто их призывает. А в последние дни уходящего года, перед весенним праздником нового года, фраваши умерших спускаются в дома своих потомков. Их встречают, для них зажигают огонь, ставят угощение, читают молитвы. Если их хорошо принять, они уходят довольными и благословляют дом. Если о них забудут, они уходят огорчёнными.

Фраваши — это и предки, и ангелы-хранители, и сама лучшая часть души. Мысль о том, что у каждого человека есть свой небесный двойник-покровитель, существовавший до его рождения, мы встретим потом в разных традициях. Пока заметим, как глубоко она связана в Иране с памятью о предках: добро здесь живёт в роду и передаётся через поколения.

Царь Йима и золотой век

Иранские предания рассказывают о первом царе Йиме (в поздней традиции — Джамшид), правившем в золотом веке. При нём не было ни жары, ни холода, ни старости, ни смерти, ни болезней. Отец и сын выглядели одинаково молодыми. Людей и скота стало так много, что земле стало тесно, и Йима трижды расширял её золотым рогом и бичом.

Но однажды Ахура-Мазда предупредил Йиму, что на мир

надвигаются страшные зимы, которые погубят всё живое. Он велел построить огромное ограждённое убежище, «вар», и собрать туда семена лучших людей, животных и растений, по паре от каждого. Йима так и сделал. Здесь мы снова видим знакомый сюжет: доброе божество предупреждает праведника о грядущей гибели мира, и тот спасает жизнь. Только вместо потопа здесь зима, что естественно для народа, жившего на холодном нагорье.

Конец Йимы печален. Согласно позднейшему преданию, он возгордился и солгал — по одним версиям, объявил себя богом. И тогда его покинула «хварна», божественная слава, сияние, которое осеняет праведных царей. Она отлетела от него в образе птицы. Лишившись её, Йима потерял царство и погиб. Мораль этой истории ясна: даже величайший правитель держит власть, пока он верен правде. Ложь отнимает у царя благодать.

Мост Разлучения

Иранская религия дала человечеству одну из самых сильных картин посмертного суда. Душа умершего три дня остаётся у тела, а на рассвете четвёртого дня отправляется к мосту Чинват — «мосту Разлучения», перекинутому над бездной к небесам. Там её судят. Митра, бог договора, и судья Рашну, «Праведный», взвешивают на весах её добрые и злые дела, примерно так же, как это делали в египетском Зале

двух истин.

Затем душа вступает на мост. Для праведника он широк, как дорога, и надёжен. Для грешника он становится узким, как лезвие бритвы, и душа срывается в бездну, в Дом Лжи. И тут возникает самый поразительный образ. Навстречу праведной душе на мосту выходит прекрасная девушка, сияющая, высокая, благоуханная, и душа в изумлении спрашивает: кто ты, прекраснейшая из всех, кого я видел? И девушка отвечает: я — твои собственные благие мысли, благие слова и благие дела. Ты сделал меня прекрасной. А грешнику навстречу выходит отвратительная старуха — его собственные злые дела.

В этом образе — вся суть иранского добра. Человек не просто получает награду или наказание извне. Он сам при жизни создаёт себе спутника на том свете. Добро, которое мы делаем, — это и есть наше будущее лицо.

Конец времён

И последнее, чем иранская религия отличается от всех предыдущих: у неё есть конец истории. Мир в Египте и Индии вращается по кругу: разлив сменяется разливом, эпоха — эпохой. У Заратустры история движется к цели. Битва добра и зла длится не вечно, а определённое число тысячелетий. В конце придёт Спаситель, Саошьянт, который, по позднейшему преданию, родится от девы, искупавшейся в озере,

где хранится семя самого Заратустры. Мёртвые воскреснут. Будет последний суд. Расплавленный металл разольётся по земле, и все люди пройдут через него: праведникам он покажется тёплым молоком, а грешники будут жестоко страдать, но очистятся. Зло будет уничтожено окончательно, а мир обновлён и станет таким, каким он был задуман, — вечным, бессмертным, без старости и смерти. Это обновление называется «фрашокерети», «делание прекрасным».

Любопытно, что в поздних зороастрийских текстах в конце очищаются и спасаются все, даже грешники. Ад не вечен. Окончательно гибнет только само зло.

Наследие Ирана

Если читатель уже заметил, как много здесь знакомого — ангелы, дьявол, воскресение мёртвых, последний суд, рай и ад, грядущий Спаситель, — то это не случайно. Многие учёные считают, что иранские представления оказали сильное влияние на иудаизм, а через него на христианство и ислам. Самый вероятный путь этого влияния известен. В 539 году до нашей эры персидский царь Кир захватил Вавилон и позволил евреям, уведённым туда в плен, вернуться на родину и восстановить Иерусалимский храм. Пророк Исаия называет Кира помазанником Господа — единственный случай, когда этот титул в Библии дан иноземному царю. Два века евреи жили под властью персов. И именно в книгах этого и после-

дующего времени появляются ангелы с именами, сатана как противник, воскресение мёртвых. Насколько прямо они заимствованы, а насколько выросли из собственной традиции под иранским влиянием — предмет давних споров, к которым мы вернёмся в авраамических главах.

Есть и более простые следы. Слово «рай» в европейских языках, «парадиз», восходит к древнеиранскому слову, означавшему «огороженный сад». А волхвы, пришедшие с Востока поклониться младенцу Иисусу, в греческом тексте Евангелия названы «магами» — так греки называли иранских жрецов.

Сама же религия Заратустры пережила тяжёлые времена. После арабского завоевания Ирана в VII веке большинство иранцев постепенно приняли ислам. Часть зороастрийцев переселилась в Индию, где их потомков называют парсами; другие остались в Иране, в основном в городах Йезд и Керман. Сегодня зороастрийцев в мире совсем немного, по разным оценкам от ста до двухсот тысяч человек. Но в Йезде до сих пор горит огонь, который, по преданию, не гас уже полторы тысячи лет.

Каким было добро в Иране

В Иране впервые родилось чистое добро. Бог, в котором нет тёмной стороны. Мир, разделённый на правду и ложь. Человек, который обязан выбирать и своим выбором участ-

вует в космической битве. Добро здесь — это прежде всего правда: правдивое слово, верность договору, честность. Это чистота земли, воды и огня. Это память о предках, которые незримо хранят дом. И это надежда на то, что история имеет смысл и в конце концов добро победит окончательно.

Это была великая мысль, и у неё оказалось великое будущее. Но была у неё и своя цена, которую мы увидим в главе о злых силах Ирана. Если добро абсолютно, то и зло должно стать абсолютным. Если есть бог без тени, то где-то должна быть и тень без бога. Именно в Иране впервые появляется существо, которое можно назвать настоящим дьяволом.

Глава 5. Греция и Рим. Боги, которые не были добрыми

Олимп без нимба

Греческая мифология знакома нам лучше любой другой. Мы читали её в детстве по пересказам Куна, видели в музеях статуи Аполлона и Афродиты, встречаем её имена в названиях планет, ракет и лекарств. И именно поэтому о греческом добре легко составить неверное представление. Светлый Олимп, мраморная красота, гармония — всё это пришло к нам через эпоху Возрождения и классицизм, которые видели в античности идеал. Сами греки смотрели на своих богов куда трезвее.

Гомеровские боги могущественны, прекрасны и бессмертны, но о доброте здесь говорить трудно. Зевс изменяет жене со смертными женщинами и богинями, принимая облик быка, лебедя, золотого дождя. Гера мстит не мужу, а его возлюбленным и их детям. Аполлон и Артемида перебили детей Ниобы за то, что та похвалилась, что у неё детей больше, чем у их матери. Афродита свела Елену с Парисом и тем начала Троянскую войну. Боги в «Илиаде» ссорятся из-за смертных, как болельщики из-за команд, и спокойно жертвуют своими любимцами.

Это возмущало уже самих греков. Философ Ксенофан в VI веке до нашей эры писал, что Гомер и Гесиод приписали богам всё, что у людей считается позором: воровство, прелюбодеяние и обман. Он же насмешливо заметил, что если бы быки, кони и львы умели рисовать, они изобразили бы богов в виде быков, коней и львов. А Платон в «Государстве» предлагал запретить поэтам рассказывать о дурных поступках богов, потому что бог может быть причиной только блага.

Так что в Греции произошло нечто особенное: добро и боги здесь в значительной мере разошлись. Боги были силой, а добро всё больше становилось предметом философии. Но это не значит, что в греческой мифологии нет добрых сил. Они есть, только искать их надо внимательно.

Прометей, друг людей

Если у человечества в греческих мифах и был настоящий друг среди бессмертных, то это титан Прометей. Его имя означает «предвидящий», «мыслящий наперёд».

Поэт Гесиод, живший около 700 года до нашей эры, рассказывает о нём две истории. В первой боги и люди договаривались, какую часть жертвенного быка получат боги. Прометей разделил тушу: в одну кучу положил мясо и прикрыл его неприглядным желудком, в другую — голые кости, обёрнутые блестящим жиром. Зевс выбрал красивую кучу и по-

лучил кости. С тех пор люди сжигают для богов кости и жир, а мясо съедают сами. Разгневанный Зевс отнял у людей огонь. Тогда Прометей, это вторая история, похитил огонь с неба и принёс его людям, спрятав в полом стебле растения.

Наказание было страшным. Зевс приковал Прометея к скале на краю света, в греческих пересказах на Кавказе, и каждый день к нему прилетал орёл и клевал его печень, а за ночь печень вырастала снова. Лишь много веков спустя Геракл убил орла и освободил титана.

В трагедии «Прометей прикованный», приписываемой Эсхилу, Прометей перечисляет, что он дал людям. До него, говорит он, люди смотрели и не видели, слушали и не слышали, жили в пещерах, как муравьи. Он научил их строить дома, следить за звёздами, считать и писать, приручать животных, строить корабли, лечить болезни. А главное, он отнял у них знание часа своей смерти и вместо него дал им «слепые надежды». Это один из самых глубоких образов античности: благодетель человечества дарит ему не только огонь и ремесла, но и надежду — способность жить, не зная, когда придёт конец.

Прометей очень похож на шумерского Энки: оба — мудрые боги, которые вступаются за людей перед верховным владыкой, оба дарят цивилизацию, оба побеждают хитростью. Мы подробно сравним их в главе о Дарующих культуру. Но есть и важная разница. Энки никто не наказывает, а Прометей платит за свою доброту страданием. В нём впер-

вые появляется мотив, который станет одним из главных в европейской культуре: добро бросает вызов власти и страдает за это. Не случайно для романтиков, а потом и для революционеров XIX века Прометей стал символом бунтаря, восставшего против тирана ради людей.

У Гесиода, впрочем, к Прометею отношение двойственное. Его хитрость обернулась для людей бедой: в отместку Зевс послал им первую женщину, Пандору, с её знаменитым сосудом, из которого вылетели все несчастья мира. На дне сосуда осталась только надежда. Добро и зло у Гесиода и здесь неразделимы: дар оборачивается расплатой.

Зевс, хранитель гостя

Сам Зевс, при всех его похождениях, тоже не был только самодуром. У греков он был ещё и хранителем нескольких важнейших человеческих установлений. Он был Зевсом Ксениосом, покровителем гостей и странников, и Зевсом Горкиосом, хранителем клятв. Его дочерью Гесиод называет Дике — Справедливость, которая садится рядом с отцом и жалуется ему на неправедных судей.

Гостеприимство было у греков, как у многих древних народов, священным долгом. Человек в дороге беззащитен, и единственное, что спасает его, — обычай принимать странника. В «Одиссее» свинопас Эвмей принимает нищего бродягу, не зная, что это сам Одиссей, и говорит: все странники

и нищие приходят от Зевса. Нарушить законы гостеприимства значило оскорбить самого Зевса. Троянская война, если вдуматься, началась именно с этого: Парис был гостем Менелая и увёз его жену.

Лучше всего эта сторона Зевса выражена в истории, которую рассказал уже римский поэт Овидий, — о Филемоне и Бавкиде. Юпитер (римское имя Зевса) и Меркурий (Гермес) в облике бедных путников обошли деревню во Фригии и постучались в тысячу домов, но везде им отказали. Приютили их только старик Филемон и его жена Бавкида в своей тесной хижине. Они выставили на стол всё, что у них было, и даже хотели зарезать для гостей единственного гуся. Гусь спрятался у ног путников, и тогда боги открылись. Негостеприимную деревню затопило озеро, а хижина стариков превратилась в храм. Боги спросили, чего они хотят. Филемон и Бавкида попросили быть жрецами этого храма и умереть в один час, чтобы ни одному не пришлось хоронить другого. Когда пришёл их срок, они превратились в два дерева, дуб и липу, выросшие из одного корня.

Здесь, пожалуй, греко-римская мифология ближе всего подходит к тому, что мы называем добром: боги испытывают людей не силой, а милосердием к бедному страннику.

Деметра, мать, которая ищет

Самый трогательный миф Греции — о Деметре, богине

земледелия и плодородия, и её дочери Персефоне. Его подробно излагает так называемый гомеровский гимн к Деметре, написанный, по-видимому, в VII или VI веке до нашей эры.

Юная Персефона собирала цветы на лугу, когда земля разверзлась и владыка подземного мира Аид похитил её на своей золотой колеснице. Зевс, отец девушки, заранее дал на это согласие. Деметра услышала крик дочери, но не знала, куда та исчезла. Девять дней она бродила по земле с горящими факелами в руках, не ела, не пила, не умывалась. Наконец бог солнца Гелиос, который видит всё, открыл ей правду.

В гневе и горе Деметра покинула Олимп. Приняв облик старухи, она пришла в город Элевсин и нанялась нянькой к младенцу царской семьи. Она полюбила ребёнка и решила сделать его бессмертным: днём натирала его амброзией, а ночью тайно клала в огонь, чтобы выжечь в нём смертное. Однажды мать мальчика подсмотрела это и закричала от ужаса. Богиня в гневе выхватила ребёнка из огня, приняла свой истинный облик и велела построить ей храм.

Затворившись в храме, Деметра перестала давать земле урожай. Семена не всходили, люди умирали от голода, боги лишились жертв. Тогда Зевс уступил и послал Гермеса за Персефоной. Аид отпустил её, но перед уходом дал ей съесть несколько зёрен граната. Кто вкусил пищи мёртвых, должен к ним вернуться. С тех пор Персефона часть года (в гимне — треть) проводит под землёй у мужа, а остальное время с

матерью. Когда она уходит, Деметра горюет и на земле наступает зима. Когда возвращается — всё расцветает.

В этом мифе — сила материнской любви, которая заставила уступить даже Зевса. Деметра не воюет, не мстит хитростью, она просто отказывается давать жизнь, пока ей не вернут дочь. И она добра к людям: даже в горе она нянчит чужого ребёнка и хочет подарить ему бессмертие.

В Элевсине в честь Деметры и Персефоны совершались мистерии — тайные обряды, в которые посвящали всех желающих, мужчин и женщин, свободных и рабов, говоривших по-гречески и не запятнанных убийством. Что именно там происходило, мы не знаем: посвящённые хранили тайну почти две тысячи лет, и её так никто и не выдал. Но известно, что они обещали посвящённым лучшую участь после смерти. Цицерон, сам прошедший посвящение, писал, что мистерии научили людей не только жить радостно, но и умирать с лучшей надеждой. Для греков, у которых загробный мир Гомера был унылым царством теней, это было много.

Афина, разум и мера

Афина родилась из головы Зевса в полном вооружении. Она богиня мудрости, ремёсел и справедливой войны — в отличие от Ареса, бога слепой ярости. Её любимцы — не самые сильные, а самые умные: хитроумный Одиссей, которому она помогает на всём долгом пути домой. Её дар городу

Афинам — оливковое дерево. По мифу, Афина и Посейдон спорили за власть над городом. Посейдон ударил трезубцем в скалу, и забил солёный источник. Афина вырастила оливу. Жители выбрали оливу, и город был назван именем богини.

Самый важный миф об Афине с точки зрения нашей темы рассказывает трагедия Эсхила «Эвмениды». Орест убил свою мать Клитемнестру, мстя за отца, которого она убила. За ним гонятся эринии — древние богини мести, страшные старухи, которые преследуют убийц родичей. По древнему закону кровь требует крови, и цепочке мести нет конца. Орест бежит в Афины, и Афина делает то, чего до неё не делал никто: она собирает суд из лучших граждан, чтобы те выслушали обе стороны и вынесли приговор. Голоса делятся поровну, и Афина своим голосом оправдывает Ореста. Разгневанным эриниям она предлагает почётное место в городе, и они превращаются в Эвменид — «благосклонных», покровительниц Афин.

Это миф о рождении правосудия. Месть заменяется судом, слепой закон крови — разумным решением граждан. Древние силы мести не уничтожаются, а получают новое, мирное место. Эсхил написал эту трагедию в 458 году до нашей эры для афинской публики, гордившейся своим судом Ареопагом и своей демократией. Добро у него — это разум, который приходит на смену мести.

Но и Афина не безупречна. Овидий рассказывает, как ткачиха Арахна осмелилась вызвать богиню на состязание и вы-

ткала ковёр, не уступавший работе Афины. Богиня в ярости разорвала ковёр и превратила Арахну в паука. А в другом мифе, в позднейшей версии, она карает Медузу, а не того, кто её оскорбил. Мудрость у греческих богов не исключает мелкой зависти.

Аполлон и Асклепий: свет и исцеление

Аполлон — бог света, музыки, поэзии, пророчества и исцеления. На стенах его храма в Дельфах были начертаны два изречения, которые греки считали квинтэссенцией мудрости: «Познай самого себя» и «Ничего сверх меры». Аполлон был богом порядка, ясности, гармонии — всего того, что потом назовут «аполлоническим началом».

Но Аполлон и опасен. «Илиада» начинается с того, что разгневанный Аполлон посылает на греческий лагерь мор: его стрелы девять дней поражают людей и животных. Сила, которая исцеляет, может и насылать болезнь — мы видели это в Месопотамии, увидим и дальше.

Исцеление в чистом виде воплотил его сын Асклепий. Мать его была смертной, и Аполлон отдал ребёнка на воспитание мудрому кентавру Хирону, который научил его врачеванию. Асклепий стал таким искусным врачом, что начал воскрешать мёртвых. Это нарушало порядок мира, и Зевс поразил его молнией. Но после смерти Асклепий стал богом.

Его святилища, асклепейоны, были древними больница-

ми. Самое знаменитое находилось в Эпидавре. Больной приходил туда, совершал омовение и жертвоприношение и ложился спать в особом помещении. Ночью ему являлся во сне бог или его священная змея и исцелял его или давал совет. Жрецы записывали на каменных плитах случаи чудесных исцелений, и некоторые из этих плит сохранились. Змея, обвившая посох Асклепия, до сих пор остаётся символом медицины.

Есть и последний, очень человечный штрих. Перед смертью Сократ, выпив яд по приговору афинского суда, сказал другу: «Критон, мы должны Асклепию петуха». Петуха приносили в жертву Асклепию в благодарность за исцеление. Что имел в виду философ — что смерть исцеляет от жизни или просто вспомнил о неоплаченном долге, — об этом спорят до сих пор.

Гермес, вестник и плут

Гермес — самый обаятельный плут греческой мифологии. Гомеровский гимн к Гермесу рассказывает, что он родился на рассвете, к полудню уже вылез из колыбели, нашёл черепаху и сделал из её панциря первую лиру, а вечером украл у Аполлона пятьдесят коров. Чтобы запутать следы, он гнал их задом наперёд, а себе сплёл сандалии из прутьев. Вернувшись, он залез обратно в колыбель и на гневные обвинения Аполлона невинно отвечал, что он новорождённый

младенец и даже не знает, что такое корова. Зевс, выслушав обоих, расхохотался. В конце концов Гермес подарил Аполлону лиру, и братья помирились.

Гермес — бог торговцев, путников, воров, удачи, хитрости и красноречия. Трикстер в чистом виде. Почему же в этой книге он стоит среди добрых сил? Потому что главная его роль — помогать в пути. Он вестник богов, проводник между мирами. Он провожает души умерших в подземное царство. На перекрёстках дорог греки ставили его столбы, гермы, складывали у них кучи камней, а любая неожиданная находка на дороге называлась «даром Гермеса».

И есть в «Илиаде» эпизод, где Гермес проявляет почти христианскую доброту. Старый царь Трои Приам решается ночью пройти через греческий лагерь, чтобы выкупить у Ахилла тело убитого сына Гектора. Это смертельно опасно. И Гермес, приняв облик молодого воина, сопровождает старика, усыпляет стражу, открывает ворота и доводит Приама до шатра Ахилла. Плут и вор оказывается проводником горя, который помогает отцу похоронить сына. В «Одиссее» он же даёт Одиссею волшебную траву, спасающую от чар Цирцеи.

Двойственность Гермеса не исчезает: он хитрит, крадёт, обманывает. Но его плутовство служит движению, обмену, связи между людьми и мирами. Без Гермеса мир застыл бы. Мы ещё встретим его в главе о Вестнике и проводнике душ.

Гестия: огонь в середине дома

У Гестии, богини домашнего очага, почти нет мифов. Она единственная из олимпийцев никогда не покидала Олимп, не ссорилась, не влюблялась, не воевала. Ей не нужны были приключения: она была в центре каждого дома, в огне очага, вокруг которого собиралась семья. Ей приносили первую и последнюю жертву на каждом пиру. Когда греки основывали новый город за морем, они брали огонь из очага родного города, чтобы перенести его на новое место.

Гестия — тихое добро, которое ничего не совершает, а просто есть. Её почти не замечают, но без неё нет дома.

Рим: лары, пенаты и гений

Римляне переняли греческих богов, дав им свои имена: Зевс стал Юпитером, Афина — Минервой, Гермес — Меркурием. Но римская религия по духу была совсем другой. Римлянин относился к богам как к партнёрам по договору: я тебе — положенную жертву в положенный срок, ты мне — покровительство. Главной добродетелью было «пиетас» — благочестие, понятое как исполнение долга перед богами, родиной и семьёй. Образцом пиетас был Эней, который, по Вергилию, вынес из горящей Трои на плечах старика-отца, держа за руку сына и прижимая к груди изображения домаш-

них богов.

А главными добрыми силами в жизни простого римлянина были не великие боги Капитолия, а маленькие домашние божества.

Лары охраняли дом и семью. В каждом доме был ларарий — небольшое святилище, часто в виде ниши в стене. В Помпеях их сохранилось множество: на стенах нарисованы два танцующих юноши с рогами-ритонами для вина в руках, а внизу — змеи, тоже покровители дома. Ларам каждый день оставляли немного еды, а по праздникам украшали их венками. Пенаты охраняли кладовую, запасы семьи. Сама фраза «вернуться к родным пенатам» дожила до нашего времени.

Самое любопытное римское представление — гений. Это был личный дух-хранитель каждого мужчины, его жизненная сила и судьба, родившаяся вместе с ним. У женщины был свой покровительствующий дух, её «юнона». В день рождения римлянин приносил жертву своему гению. Был свой гений и у семьи, и у города, и у места: «гений места» — тоже римское выражение. Здесь легко увидеть родство с месопотамским личным богом и иранскими фраваши, и в главе о Хранителе мы проследим, как эти образы ведут к христианскому ангелу-хранителю.

Римляне обожествляли и сами ценности. У них был храм Верности, Фидес, рядом с храмом Юпитера на Капитолии. Её символом было рукопожатие двух правых рук. Были богини Согласия, Добродетели, Чести, Надежды. Римское доб-

ро — это добро гражданина: верность слову, долг, порядок, преданность семье и государству.

Когда добро уходит к философам

И всё же самое важное, что Греция дала представлениям о добре, лежит не в мифах, а рядом с ними. Именно греки первыми поставили вопрос: что такое добро само по себе, независимо от того, чего хотят боги? Сократ спрашивал своих собеседников, что такое справедливость, мужество, благочестие, и доводил их до признания, что они этого не знают. Сам он говорил, что с детства его сопровождает внутренний голос, «даймонион», который никогда не подсказывает, что делать, но всегда удерживает от дурного. Платон пришёл к мысли о высшем Благе, которое стоит выше всего сущего и подобно солнцу освещает всё. Стоики учили, что добродетель — единственное настоящее благо, а всё остальное, даже здоровье и жизнь, безразлично.

Это был новый поворот. Добро перестало быть лицом или существом и стало идеей. Мы встретим этот поворот снова, когда греческая философия соединится с иудейской и христианской мыслью и даст образ Бога как высшего Блага. Но это уже тема авраамической главы.

Каким было добро в Греции и Риме

Греческие боги не были добрыми — и греки это знали. Но в их мифах есть добро, и оно очень человечное. Это бунтарь Прометей, который страдает за то, что дал людям огонь и надежду. Это Зевс, который карает за обиду, нанесённую страннику. Это мать Деметра, которая ищет дочь и останавливает ради неё жизнь мира. Это Афина, которая заменяет месть судом. Это Асклепий, который лечит больных. Это плут Гермес, который ведёт отца за телом сына. Это тихий огонь Гестии.

А в Риме добро стало домашним и гражданским: лары у очага, гений, рождённый вместе с человеком, верность слову, скреплённая рукопожатием.

И главное: в Греции добро впервые отделилось от богов и стало предметом размышления. Добро — не то, что угодно богам, а то, что разум признаёт правильным. С этой мыслью европейская культура не расставалась больше никогда.

Глава 6. Авраамическая традиция. Вестники Единого

Один Бог и его посланники

Эта глава отличается от предыдущих. До сих пор мы говорили о религиях, которые давно ушли в прошлое или, как индуизм и зороастризм, живут далеко от нас. Теперь речь пойдёт о традиции, к которой так или иначе принадлежит большинство читателей этой книги. Иудаизм, христианство и ислам называют авраамическими религиями, потому что все три возводят себя к праотцу Аврааму. Они различаются во многом, но у них общий корень и общее главное утверждение: Бог един.

Об этой традиции мы будем говорить так же, как говорили о других, — как историки культуры. Мы не обсуждаем, истинна ли вера, не сравниваем, какая из трёх религий правильнее, и не вмешиваемся в богословские споры. Наш предмет — образы, в которых люди этих религий видели добро.

И здесь сразу возникает вопрос, которого не было в других главах. Если Бог один и он есть само Благо, то откуда в мире другие добрые существа? В Египте или Индии добро было распределено между множеством богов, у каждого своя роль. В авраамической традиции всё доброе сосредото-

чено в одном Боге. И всё же мир этих религий полон добрых существ — ангелов. Кто они?

Само слово «ангел» греческое, «ангелос», и означает оно «вестник», «посланник». Так греческие переводчики Библии передали еврейское слово «малах», которое значит то же самое. Арабское «малак» — его родственник. Ангелы — не боги и не соперники Бога. Они его слуги, гонцы, исполнители его воли. Всё добро, которое они делают, — не их собственное, а Божье. В этом их главное отличие от добрых богов других народов.

Бог вдовы, сироты и пришельца

Прежде чем говорить об ангелах, нужно сказать о самом Боге Библии — каким он предстаёт в своих требованиях к людям. Потому что именно здесь лежит то новое, что эта традиция внесла в представления о добре.

Мы уже встречали в Месопотамии и Египте заботу о слабых: Хаммурапи писал о защите сироты и вдовы, египетский умерший клялся, что никого не довёл до слёз. Библия продолжает эту линию, но делает её центром. Бог Израиля снова и снова представлен как защитник тех, у кого нет защитника: вдовы, сироты, бедняка, раба. И к ним прибавлен ещё один — пришелец, чужеземец. «Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской», — говорит книга Исход. Память о собственном

рабстве становится основанием морали: ты знаешь, каково быть чужим, поэтому не обижай чужого.

Закон о субботе — дне покоя — распространялся не только на хозяина, но и на его раба, служанку, вола и осла. Еврейские пророки VIII–VI веков до нашей эры, Амос, Исаия, Михей, Иеремия, обрушивались на богачей и правителей, которые притесняют бедных, берут взятки, отнимают поля у вдов. Пророк Михей подытожил это в знаменитых словах: чего требует от тебя Господь? Действовать справедливо, любить милосердие и смиренно ходить пред Богом твоим. Не жертв, не обрядов, а справедливости и милосердия.

В христианстве эта линия была доведена до предела. Евангелие говорит, что Бог есть любовь, и требует любить не только ближних, но и врагов. В притче о добром самарянине Иисус на вопрос «кто мой ближний?» рассказывает о человеке, которого избили разбойники, а помог ему не священник и не храмовый служитель, прошедшие мимо, а самарянин — член презираемой иудеями общины. Ближний — это любой, кому нужна помощь. В исламе каждая сура Корана, кроме одной, открывается словами «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного». Одно из известных изречений, которые мусульманская традиция передаёт как слова самого Бога, гласит: Моя милость опережает Мой гнев.

Справедливость к слабому, милосердие, любовь, которая не спрашивает, свой ли перед тобой или чужой, — вот то добро, которое ангелы этой традиции несут людям.

Безымянные посланники

В древнейших книгах Библии ангелы не имеют имён. Они появляются внезапно и так же внезапно исчезают. Иногда «Ангел Господень» так тесно связан с самим Богом, что текст в середине рассказа переходит от одного к другому, и непонятно, кто говорит.

Одна из самых знаменитых сцен — явление трёх путников Аврааму у дубравы Мамре. Старый Авраам сидит у входа в шатёр в полуденный зной, видит трёх незнакомцев, бежит им навстречу, кланяется до земли, просит отдохнуть, велит жене Сарре испечь лепёшки, сам выбирает лучшего телёнка. Путники оказываются посланниками Бога и предсказывают престарелой паре рождение сына. Читатель, помнящий предыдущую главу, сразу вспомнит Филемона и Бавкиду: снова божественные гости в облике странников, снова гостеприимство, вознаграждённое чудом. Это один из тех мотивов, что распространены по всему древнему Средиземноморью, и мы ещё будем разбираться, общее ли это наследие или независимое сходство.

Для русского читателя эта сцена особенно важна. Именно её изобразил Андрей Рублёв на иконе «Троица» в начале XV века. Три ангела сидят за столом вокруг чаши, склонив друг к другу головы, в тишине и согласии. Христианская традиция увидела в трёх путниках образ Троицы, а сама икона ста-

ла одним из величайших произведений русского искусства.

Другие безымянные ангелы раннего времени тоже приходят в решающие моменты. Ангел останавливает руку Авраама, когда тот готов принести в жертву сына Исаака. Ангел является Агари, изгнанной в пустыню с ребёнком, и показывает ей колодец. Иаков видит во сне лестницу от земли до неба, по которой восходят и нисходят ангелы. Добро здесь приходит на границе отчаяния: когда кажется, что выхода нет, появляется посланник.

Херувимы и серафимы

Рядом с ангелами-вестниками в Библии есть и другие небесные существа, более загадочные и грозные.

Херувимы впервые появляются у ворот Эдема: изгнав Адама и Еву, Бог ставит у входа в сад херувимов с пламенным вращающимся мечом, чтобы охранять путь к дереву жизни. Изображения двух херувимов из золота стояли на крышке Ковчега Завета, священного ларца, где хранились скрижали Закона, и их крылья осеняли его. Пророк Иезекииль описывает херувимов как существ с четырьмя лицами — человека, льва, быка и орла, — с крыльями и множеством глаз. Читатель первой главы узнает в этом описании ассирийских ламассу: крылатых стражей ворот с человеческой головой и телом быка или льва. Многие учёные полагают, что образ херувима вырос из того же круга ближневосточ-

ных представлений о крылатых стражах священного места.

Серафимы являются пророку Исаие в храмовом видении. У каждого шесть крыльев: двумя он закрывает лицо, двумя ноги, а двумя летает. Они взывают друг к другу: «Свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!». Эти слова вошли в богослужение и христиан, и иудеев и звучат в храмах уже больше двух тысяч лет. Само слово «серафим» связано с еврейским корнем «гореть»: это огненные, пламенеющие существа. Когда Исаия в ужасе восклицает, что он человек с нечистыми устами, один из серафимов берёт клещами горящий уголь с жертвенника, касается его губ и говорит: беззаконие твоё удалено. Добро здесь не утешает, а очищает огнём.

Ангелы получают имена

Имена у ангелов появляются только в поздних книгах Библии — в книге Даниила, написанной, по мнению большинства исследователей, во II веке до нашей эры, в книге Товита и в других текстах этого времени, не всегда вошедших в канон. И это хронологически совпадает с тем, о чём мы говорили в главе об Иране: после нескольких веков жизни евреев под властью Вавилона и Персии. Любопытно, что это понимали уже сами иудейские мудрецы. В Иерусалимском Талмуде сохранилось изречение: имена ангелов пришли с нашими отцами из Вавилона.

Самых известных ангелов три.

Михаил. Его имя — вопрос: «Кто как Бог?». В книге Даниила он «князь великий», небесный покровитель и защитник народа Израиля. В Откровении Иоанна Богослова Михаил со своими ангелами сражается с драконом, «древним змеем», и сбрасывает его с неба на землю. Он стал главным воином небесного воинства, архистратигом. На иконах его изображают в доспехах, с копьём или мечом, попирающим дьявола; в западной традиции — ещё и с весами, на которых он взвешивает души. На Руси его почитали особенно: Архангельский собор в Московском Кремле был усыпальницей великих князей и царей, а сам Михаил считался покровителем воинов. Мы вернёмся к нему в главах о Воине-змееборце и Справедливом судье.

Гавриил. Его имя значит «Бог — моя сила» или «мужество Божие». Он — вестник по преимуществу, тот, кто приносит людям важнейшие известия. В книге Даниила он объясняет пророку видения. В Евангелии от Луки он возвещает священнику Захарии о рождении Иоанна Крестителя, а деве Марии в Назарете — о рождении Иисуса. Эта сцена, Благовещение, стала одним из самых любимых сюжетов христианского искусства. В исламе Джибриль — ангел откровения. Мусульманская традиция рассказывает, что он явился пророку Мухаммаду в пещере на горе Хира и велел ему: «Читай!». С этого начался Коран. Один и тот же ангел в двух религиях приносит людям слово Божие.

Рафаил. Его имя значит «Бог исцелил», и это ангел-целитель и спутник в пути. Его история рассказана в книге Товита — небольшой повести, которая входит в православный и католический канон, но отсутствует в еврейской Библии и протестантском каноне. Благочестивый старик Товит ослеп. Он посылает сына Товию в далёкий город за деньгами, оставленными на хранение, и ищет для него попутчика. Попутчиком нанимается молодой человек, называющий себя Азарией. В дороге на берегу реки Товию хватает за ногу огромная рыба, и спутник велит её поймать и сохранить её сердце, печень и желчь. С их помощью Товия изгоняет злого духа Асмодея, который мучил девушку Сарру и убивал её женихов, и женится на ней. А вернувшись домой, желчью рыбы исцеляет слепоту отца. Только тогда спутник открывается: я Рафаил, один из семи ангелов, предстоящих пред Богом.

В этой трогательной повести ангел соединяет в себе сразу несколько ролей: попутчика, целителя, защитника от злых сил, свата. Рафаил и Товия с рыбой — любимый сюжет итальянских художников эпохи Возрождения. Мы встретим Рафаила в главах о Целителе и о Спутнике героя.

Ангел-хранитель

Самое близкое и личное из авраамических представлений о добрых силах — ангел-хранитель. В Евангелии от Матфея Иисус говорит о детях: не презирайте ни одного из малых

сих, ибо ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца. Из этих слов, а также из псалма «ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих», выросла вера в то, что у каждого человека есть свой ангел, который сопровождает его от крещения или от рождения до смерти, оберегает от зла и молится о нём.

Мы уже встречали эту мысль в других обличьях: личного бога на месопотамских печатях, который держит человека за руку, иранских фраваши, римского гения. Ангел-хранитель — наследник всех этих представлений, но и нечто новое: он не часть души человека и не дух рода, а посланный Богом личный страж. Детская молитва ангелу-хранителю — одна из первых, которую учили наизусть в православных и католических семьях на протяжении веков.

Ислам знает похожее представление в своей форме. Согласно Корану, у каждого человека есть ангелы-хранители, а ещё — два благородных писца, «кирам катибин», которые записывают все его дела: один, справа, добрые, другой, слева, злые. По одному из толкований, именно им, наряду с людьми, обращено приветствие «мир вам», которым мусульманин, поворачивая голову направо и налево, завершает молитву.

Небесная иерархия

Со временем христианские богословы упорядочили мир

ангелов. Около 500 года нашей эры автор, писавший под именем Дионисия Ареопагита, ученика апостола Павла, создал трактат «О небесной иерархии». Он разделил ангелов на девять чинов, сгруппированных в три триады. Ближе всего к Богу стоят серафимы, херувимы и престолы. За ними — господства, силы и власти. И ближе всего к людям — начала, архангелы и ангелы. Высшие чины созерцают Бога, низшие служат людям, и свет божественного знания передаётся сверху вниз от чина к чину.

Эта стройная система много веков определяла представления об ангелах на Востоке и Западе. В ней видна греческая философия, о которой мы говорили в прошлой главе: Благо подобно солнцу, чей свет нисходит по ступеням, слабея с каждой. Авраамическое откровение и платоновская мысль здесь соединились.

Любопытная деталь, которую подсказывает история искусства. Самые ранние христианские изображения ангелов, в римских катакомбах, — бескрылые: это просто юноши в белых одеждах. Крылья у них появляются, по-видимому, в IV веке, и образцом, скорее всего, послужили античные изображения крылатой богини Победы — Ники. Образ ангела, такой привычный нам, собран из разных традиций: библейского текста, ближневосточных крылатых стражей и греческой скульптуры.

Заступница

Последний образ этой главы не ангельский, но в христианской традиции он стоит в одном ряду с ними, а для многих верующих — выше: Богородица, Дева Мария. В православии и католичестве её почитают как Матерь Божию и главную заступницу за людей перед Богом. Протестанты, отказавшись от почитания святых, не молятся ей, но и они чтут её как мать Иисуса.

В народной вере Богородица стала прежде всего защитницей. На Руси особенно любим праздник Покрова, в основе которого — византийское предание: в Константинополе, в храме во Влахернах, юродивый Андрей увидел во время службы Богородицу, которая распростёрла над молящимися свой покров, защищая их. В Греции этот праздник прошёл почти незаметно, а на Руси стал одним из главных. Множество русских храмов посвящено Покрову, в том числе знаменитый храм Покрова на Нерли. По преданию, Владимирская икона Богородицы спасла Москву от нашествия Тамерлана в 1395 году. Образ матери, распростёршей покров над своими детьми, — один из самых сильных образов добра в русской культуре.

В исламе Марьям, мать пророка Исы (Иисуса), окружена глубоким почтением. Это единственная женщина, названная в Коране по имени, и её именем названа целая сура. В

иудаизме фигуры Богородицы нет, но есть свой образ матери-заступницы: праматерь Рахиль, о которой пророк Иеремия сказал, что она плачет о детях своих и не может утешиться, потому что их нет. Еврейская традиция видит в Рахили ту, кто молит Бога за свой народ в изгнании, и к её гробнице у Вифлеема веками шли паломники.

Мы уже видели в этой книге Исиду с младенцем Гором, Деметру, ищущую дочь, грозную Кали. Как связаны эти образы с образом Богородицы — где здесь прямое влияние, а где общий человеческий опыт материнства, — мы разберём в главе о Матери. Здесь скажем только одно: в авраамической традиции, где всё добро сосредоточено в одном Боге, материнская любовь не исчезла. Она нашла себе образ в той, кто стоит рядом с Богом и просит за людей.

Каким было добро в авраамической традиции

Авраамическая традиция совершила то, что мы видели лишь намёком в Иране и у Эхнатона: она сосредоточила всё добро в одном Боге. Ангелы здесь — не самостоятельные боги, а посланники. Добро, которое они несут, — не их собственное.

Каким же было это добро? Прежде всего — справедливость к слабым: к вдове, сироте, бедняку, рабу и, что особенно важно, к чужеземцу. Затем — милосердие, которое опе-

режает гнев. И, наконец, любовь, которая требует любить даже врага и видеть ближнего в каждом, кто нуждается в помощи.

Образы этого добра хорошо знакомы. Три путника у шатра Авраама. Огненный серафим, очищающий уста пророка. Михаил, низвергающий дракона. Гавриил, несущий весть. Рафаил, сопровождающий юношу в пути. Ангел-хранитель у изголовья ребёнка. Мать, простирающая покров.

Но у этой концентрации добра в одном Боге есть и обратная сторона, о которой мы будем подробно говорить в главе о злых силах авраамической традиции. Если Бог один и он всемогущ и благ, то откуда в мире зло? Иранский ответ — два равных начала — здесь не годится. И именно в попытках ответить на этот вопрос родился образ, который стал для многих поколений самым страшным: образ падшего ангела, восставшего против своего Творца.

Глава 7. Китай. Небесная канцелярия и милосердная богиня

Небо вместо бога

Китайская цивилизация выросла в долине Хуанхэ, Жёлтой реки, — реки, которую называли «горем Китая» за её страшные наводнения. Как и в Месопотамии, жизнь здесь зависела от того, удастся ли обуздать воду, а это требовало сильной власти и огромного коллективного труда. И как в Египте, здесь возникло государство, которое просуществовало, меняя династии, несколько тысяч лет.

Но китайские представления о добре устроены иначе, чем всё, что мы видели до сих пор. В Китае нет ни единого всемогущего Бога, как в авраамической традиции, ни постоянной войны света и тьмы, как в Иране. Высшей силой здесь было Небо — Тянь. Не совсем личность, но и не просто небосвод: безличный и в то же время разумный порядок мира, который видит, оценивает и воздаёт.

Около 1046 года до нашей эры племя Чжоу свергло прежнюю династию Шан. Чтобы объяснить, почему их власть законна, правители Чжоу выдвинули идею, которая определила китайскую политическую мысль на три тысячи лет: Небесный мандат. Небо вручает власть добродетельному правите-

лю и отнимает её у того, кто стал тираном. Последние цари Шан, по словам новых правителей, пьянствовали, были жестоки и не заботились о народе — поэтому Небо от них отвернулось. Каждая новая династия потом пользовалась тем же доводом: раз прежние правители пали, значит, Небо лишило их мандата.

Философ Мэн-цзы в IV веке до нашей эры сделал из этой идеи смелый вывод. Когда его спросили, позволено ли подданному убить своего государя, он ответил: тот, кто губит человечность и справедливость, — не государь, а просто злодей; я слышал о казни злодея, но не слышал об убийстве государя. Небо видит глазами народа и слышит ушами народа. Добро в этой мысли — не послушание любой власти, а забота власти о народе. Если забота исчезает, исчезает и законность.

Добро внутри человека

Тот же Мэн-цзы предложил один из самых известных в истории мысленных экспериментов о природе добра. Представьте, говорил он, что человек внезапно видит, как маленький ребёнок вот-вот упадёт в колодец. Любой почувствует тревогу и сострадание. И не потому, что хочет подружиться с родителями ребёнка или заслужить похвалу соседей, и не потому, что ему неприятен детский крик. Просто сочувствие заложено в человеческой природе. У каждого есть ростки

человечности, справедливости, благопристойности и мудрости; их нужно лишь вырастить, как растения.

Учитель Мэн-цзы, Конфуций, живший на полтора века раньше, сделал центром своего учения понятие «жэнь» — «человечность». Иероглиф состоит из знаков «человек» и «два»: добро — это то, что происходит между людьми. Когда ученик спросил, есть ли одно слово, которым можно руководствоваться всю жизнь, Конфуций ответил: взаимность. Чего не желаешь себе, того не делай другим.

Главной опорой человечности Конфуций считал «сяо» — сыновнюю почтительность. Уважение к родителям — корень всех добродетелей: кто научился любить и почитать своих родителей, тот сумеет быть верным другом, честным чиновником, справедливым правителем. Позже в Китае был составлен сборник «Двадцать четыре примера сыновней почтительности», который веками читали детям. Один мальчик летними ночами ложился спать раздетым, чтобы комары кусали его, а не его родителей. Другой продал себя в рабство, чтобы похоронить отца. Сегодня некоторые из этих историй кажутся нам чрезмерными, но в них отчётливо видно, где китайская традиция искала источник добра: не на небе и не в сражении с демонами, а в семье.

С этим связан и культ предков. Умершие предки не уходят навсегда: они продолжают жить в мире духов, заботиться о потомках и нуждаться в их заботе. Им ставят таблички с именами в домашнем алтаре, приносят еду и курения, рас-

сказывают о семейных делах. Предки — главные добрые духи каждой китайской семьи, и мы увидим, что обиженный, забытый предок может превратиться в опасного голодного духа.

Небесная канцелярия

Простые китайцы, однако, жили не только философией. Народная религия Китая — смесь древних верований, даосизма и буддизма — населила мир множеством божеств. И устроила их так, как была устроена китайская империя.

Во главе небесного мира стоит Нефритовый император. Его почитание особенно выросло при династии Сун, в начале XI века, когда император Чжэнь-цзун официально возвёл его на вершину небесной иерархии. У Нефритового императора есть свой дворец, своя столица на небе, свои министры, своя армия. Под ним — множество ведомств: ведомство грома, ведомство дождя, ведомство эпидемий, ведомство богатства, ведомство литературы и экзаменов. В каждом городе есть свой бог-покровитель, Чэнхуан, — что-то вроде небесного градоначальника, который ведёт учёт добрых и злых дел жителей. Есть даже загробные суды, где умерших судят по всем правилам китайского судопроизводства.

Это «небесная канцелярия» — точная копия земной. Люди обращались к богам так же, как к чиновникам: с прошениями, составленными по форме, с подношениями, иногда,

честно говоря, похожими на взятки. Боги могли получить повышение или быть смещены за плохую службу. Император на земле мог даже официально понизить в ранге бога, который не прислал дождя.

Такое представление может показаться нам ироничным, но в нём есть своя логика. Добро в китайской народной религии — это прежде всего порядок, честная и умелая служба, справедливое управление. Небеса устроены хорошо, если каждый чиновник, небесный и земной, исполняет свой долг.

Лучше всего эту бюрократическую сторону показывает Цзао-цзюнь, бог очага. Его бумажное изображение висело над кухонной плитой в каждом доме. Весь год он наблюдал за семьёй, а накануне Нового года отправлялся на небо с докладом Нефритовому императору. Перед его отъездом хозяева мазали губы изображения мёдом или клейкими сладостями: чтобы он говорил только сладкие слова, а то и вовсе не мог раскрыть рта. Потом изображение сжигали, отправляя бога в путь, а в новогоднюю ночь вешали новое. Даже в этой шутливой хитрости видна главная мысль: где-то ведётся учёт всем твоим делам.

На воротах домов вешали изображения двух богов-стражей, «мэньшэнь», — грозных воинов в доспехах, не пускающих в дом злых духов. По преданию, это два реальных полководца VII века, которые однажды ночь напролёт охраняли покои танского императора от призрака, а потом, чтобы не утомлять их, император велел повесить на воротах их порт-

реты. Так историческое лицо становится добрым духом-хранителем.

Нюйва и Фуси: те, кто починил небо

В древнейших китайских мифах, дошедших до нас лишь в отрывках, есть пара божеств — Нюйва и Фуси. Их часто изображали в виде мужчины и женщины с человеческими телами до пояса и змеиными хвостами, переплетёнными друг с другом. Такие изображения находят на камнях гробниц эпохи Хань и на шёлковых полотнах из погребений Центральной Азии. В руках у них угольник и циркуль: инструменты, которыми устраивают мир.

Нюйва, по одному из мифов, создала людей. Она лепила их из жёлтой глины — ещё раз доброе существо из земли, — но работа шла медленно, и тогда она окунула в глину верёвку и стала разбрызгивать капли, из которых тоже получались люди. Позднейшее толкование, не слишком лестное для простонародья, говорило, что вылепленные руками стали знатью, а возникшие из брызг — бедняками.

Ещё важнее другой миф. Однажды мир постигла катастрофа: рухнула одна из опор неба, небо раскололось, земля треснула, из неё вырвался огонь, разлились воды, дикие звери пожирали людей. Нюйва расплавила камни пяти цветов и залатала ими дыру в небе. Она отрубила ноги гигантской черепахе и поставила их вместо рухнувших опор, убила чёр-

ного дракона, наводившего бедствия, и собрала пепел тростника, чтобы остановить потоп. Мир был спасён. Богиня, которая чинит сломанный мир, — образ, совсем не похожий на воинов, побеждающих чудовищ. Нюйва не сражается, а латает. Добро здесь — работа хозяйки, которая чинит то, что разрушилось.

Фуси считался первым культурным героем: он научил людей охотиться и ловить рыбу сетями, приручать животных, установил брак и придумал восемь триграмм — знаков, которые легли в основу древней книги гаданий «И цзин». Фуси и Нюйва — пара, которая устраивает мир и делает его пригодным для жизни людей. Мы вспомним о них в главе о Дарующих культуру.

Гуаньинь, та, что слышит плач мира

Если спросить, какое божество в Китае любимо больше всех, многие назовут Гуаньинь — богиню милосердия. Её изображения стоят в храмах, в домах, в лавках, на приборных панелях автомобилей. Её облик знаком каждому: прекрасная женщина в белых одеждах, с кротким лицом, с ивовой веточкой и сосудом, из которого она изливает на мир воду милосердия.

История Гуаньинь — одна из самых поразительных в истории религий, потому что она пришла в Китай мужчиной. Буддизм принёс из Индии почитание бодхисаттвы Авалоки-

тешвары, «Владыки, взирающего вниз». Бодхисаттва — это существо, достигшее просветления, но отказавшееся уйти из мира, пока не будут спасены все живые существа. Авалокитешвара был воплощением сострадания. В Индии его изображали прекрасным юношей-царевичем, а в раннем китайском искусстве — иногда даже с тонкими усами. Китайское имя Гуаньинь значит «внимающий звукам мира», то есть слышащий все вопли страдающих. В одной из важнейших буддийских книг, «Лотосовой сутре», сказано, что тот, кто в беде призовёт его имя — в огне, в воде, среди разбойников, в оковах, — будет спасён.

Постепенно, примерно к X–XII векам, образ Гуаньинь в Китае приобрёл женские черты, и сегодня почти все китайцы знают её как богиню. Почему так произошло, учёные объясняют по-разному. Вероятно, сострадание, милосердие, утешение казались естественнее в женском облике, а в китайской религии не хватало великой материнской фигуры. Народ дал буддийскому бодхисаттве лицо матери.

Китайцы создали и свою историю о её земной жизни. Принцесса Мяошань отказалась выходить замуж, по воле отца, и захотела стать монахиней. Разгневанный отец подверг её жестоким испытаниям, сжёг монастырь, где она жила, и в конце концов велел её казнить. Но она осталась жива и много лет жила отшельницей. Позже отец тяжело заболел, и вылечить его могли только глаза и руки человека, который никогда не испытывал гнева. Мяошань отдала ему свои глаза

и руки. Отец исцелился, узнал, кто его спаситель, и раскаялся. А сама Мяошань явилась в облике Гуаньинь с тысячей рук и тысячей глаз. Так объясняют знаменитые изображения тысячерукой Гуаньинь: тысяча рук, чтобы помогать, тысяча глаз, чтобы видеть всех страдающих.

В этой легенде снова звучит знакомый мотив: доброта к тому, кто причинил зло. Исида спасает сына обидчицы, Мяошань отдаёт глаза отцу, который хотел её убить. Мы уже не раз видели и ещё увидим, как разные культуры приходят к одной мысли: высшая доброта не зависит от того, заслужил ли её человек.

Гуаньинь молились о детях, о здоровье, о спасении на море, о помощи в любой беде. Её облик в белых одеждах, с младенцем на руках, так напоминает образ Богоматери, что в Японии в XVII веке тайные христиане, когда христианство было запрещено, молились на фарфоровые статуэтки буддийской богини, видя в ней Марию. Но об этом — в главе о Японии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.